

И.А. ПОДЮКОВ
А.В. ЧЕРНЫХ

Масленица в Прикамье
(конец XIX - первая половина XX в.)

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

**Пермский областной институт
повышения квалификации работников образования
Центр-лаборатория этнопедагогике народов Прикамья**

И.А. Подюков

А.В. Черных

**Масленица в Прикамье
(конец XIX — первая половина XX в.)**

Пермь 2004

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)
П 45

Рецензент: **К. Э. Шумов**, кандидат филологических наук

Подюков И.А., Черных А.В. Масленица в Прикамье (конец XIX — первая половина XX в.).— Пермь, 2004. — 60 с.

В работе на основе этнографического, фольклорного и лингвистического материала раскрываются основные особенности масленичной обрядности народов Прикамья в конце XIX - первой половине XX вв. Масленичная календарная традиция раскрывается как своеобразный культурный комплекс, отразившийся в широкой вариативности основных обрядовых действий, персонажей, символики.

Многие полевые и архивные материалы публикуются впервые.

Предназначено как для специалистов в области народной культуры, так и для широкого круга читателей.

Научное издание

Иван Алексеевич Подюков, Александр Васильевич Черных

Масленица в Прикамье
(конец XIX — первая половина XX в.)

Редактор **Л. В. Паршина**

Подписано в печать 02.04.2004 Бум. ВХИ. Формат 60x90¹/₁₆
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе. Усл. печ. л. 3,75.
Тираж 500 экз. Заказ 24

Издательство Пермского образовательного научно-исследовательского
центра авитальной активности

614094, Пермь, ул. Кисловодская, 13; тел./факс: (3422) 34-67-65

ISBN 5-98244-006-X

© Подюков И.А., Черных А.В., 2004
© Пермский областной институт
повышения квалификации
работников образования, 2004
© Издательство ПОНИЦАА, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Истоки масленичной обрядности	4
Масленица русских Прикамья	4
Символика праздника	4
Структура праздника и состав обрядности	11
Катание на конях.....	12
Катание с гор.....	14
Масленичное ряженье.....	19
Масленичные обряды с молодоженами.....	22
Масленичный стол.....	25
Прощеное воскресенье.....	27
Чистый понедельник.....	31
Сборное воскресенье	34
Масленичный фольклор	35
Праздники и обряды Масленицы у народов Прикамья	43
Масленица у коми-пермяков.....	43
Масленица у куединских удмуртов	46
Масленица у сылвенских марийцев.....	48
Приложение	49
Масленица в Осинском уезде (начало XX вв.).....	49
Масленица в поселке Добрянского завода (начало XX в.).....	53
Масленица в Чердынском уезде (начало XX в.).....	59

Истоки масленичной обрядности

Время Масленицы относится к праздничному циклу, который заканчивал зиму и крестьянский календарный год в целом. Празднику, в котором причудливо соединились безудержный, вполне языческий разгул и тема христианского всепрощения, отведена последняя неделя перед Великим постом. Обрядово-символическая сторона Масленицы характеризуется сложным соединением действий, связанных с культом плодородия.

Одна из примечательных особенностей русской Масленицы – крайне разработанная, включающая огромное разнообразие форм обрядность, что в целом не свойственно другим славянским культурам. Богатство обрядового репертуара касается различных способов увеселений (катания с гор и на конях, шуточные битвы и драки, ряженье), особой масленичной кухни, особых форм гостевания. Несомненна включенность в масленичные обряды деталей других форм календарной обрядности (прежде всего, святочной и пасхальной); многие масленичные моменты перекликаются с семейной (похоронной и свадебной) традицией.

Основное место в данном описании обрядового календарного комплекса занимает, безусловно, русская Масленица. Прикаме в контексте общерусской традиции отличает в данном случае в целом неплохая сохранность обрядовой терминологии, проработанность таких обрядовых эпизодов, как масленичные катания и проводы праздника. В целом небогат в Прикаме масленичный обрядовый фольклор.

Материалы полевых обследований свидетельствуют, что праздник активно воспринят и другими народами Прикамья. Коми-пермяцкие, марийские, удмуртские материалы демонстрируют не только общность традиционных культур, издавна контактировавших друг с другом, но и любопытные свидетельства саморазвития собственных календарных традиций.

Масленица русских Прикамья

Символика праздника

Неделя до масленицы в России называется *пестрая* (а в Прикаме также *пестряная* - Усолье). Название любопытно от-

ражено в некоторых обрядах. Оно «повлияло» на особенности пищи этого времени (*«Перед Масленицей едят редьку с мясом напололам, через день: день постный, день молосный»* — Усолье). Оно также послужило объяснением запрета жениться на пёстрой неделе: *на пеструю женишься – пестро́ и проживёшь*. Пестрота в народной культуре издавна соотносится с потусторонним миром, с опасностью: идея чередования белого и черного цвета подчеркивает здесь не только то, что на Масленицу *«погода пестрит»*, т.е. резко меняется, но и повышенный мифологизм переходного от зимы к весне времени.

Более распространено название последнего воскресенья перед масляной неделей *Мясокусное, или Мясопустное, Заговенье, а также Закатошное воскресенье*. В этот день обычно *«заговялись»* мясными пельменями: *«Было перед Масленицей Мясокусное Заговенье, последнее воскресенье перед Масленицей. Стряпают пельмени, мясное едят последний день, а на Масленке уж мясное не едят, только коровное, блины с маслом, лепешки пекли, мясо уж не ели»* (Чайковский район, д. Сосново). По нашим материалам, только в нескольких деревнях Куединского района (дд. Дубовая Гора, Искильда, Сургуч) вечером этого дня было принято *«встречать Масленицу»*. Каждый хозяин разводил на дороге возле своей усадьбы костер из старых веников, соломы, а дети прыгали через разожжённые по всей деревенской улице костры.

Название недели перед Масленицей *закатошной* связано с тем, что в эти дни *«закатывали Масленицу»*: готовили горки и катушки и то, на чем кататься – соломенные коврики, лубки, специально сделанные или купленные *санки-ковашки, кобылки и ледянки*. Катания на масленицу (с гор, даже с крыш, а также на конях), безусловно, было исполнено в старину особым мистическим смыслом. Воссоздавая некую иллюзию полета, оно как бы «перемещало» из одного времени года в другое (близкую функцию имеет и качание на качелях, имитирующее «вознесение» человека к небу и применяющееся в другое мистическое время русского календаря – на Пасху):

Православной Церковью праздник называется *Сырной, или Сыропустной неделей* (с этого момента и до Пасхи запрещается есть мясо; это последние дни, когда разрешены молочные продукты, масло, яйца и рыба). Название также далеко неслучайно,

оно восходит к обрядовому использованию сыра и к особому, традиционному восприятию его как продукта в известном смысле священного. Сыр (в пермских говорах словом *сыр* чаще называют творог) реализует особые сакральные свойства в кулинарных мифологических кодах самых разных обрядовых моментов, связанных с переходом в новое время или с получением иного социального статуса. Так, кроме известного сырного кулича на Пасху, на Урале и в Сибири делали *сырный* (или *сырой*) *стол* на свадьбу; сыр был обязательным даром жениховой родни семье невесты (Карагайский р-н). В ряде мест блюда из сыра (так называемые *сырчики*) готовились при наступлении самого жаркого времени года – Петрова дня (откуда родилось выражение *дорог сырчик ко Петрову дню*, аналог известному выражению *дорого яичко ко Христову дню* — Юрлинский р-н). Название предмасленичной недели *сырная* может быть истолковано как указание на внутреннюю суть праздника. Во всей его бесшабашности, озорстве, обжорстве как бы имитировалось символическое возвращение в первоначала жизни: сыр уже самой внутренней формой названия вносит идею сырого, изначального (что более очевидно в фольклорных формулах типа *Мать сыра земля*). Заметим также, что в других русских традициях праздник называют *Масленица – белый сыр*, а в песнях, описывающих праздничные развлечения, говорится: *«Все мы масленку дожидали, сыром горочку посыпали, маслом горочку поливали»* (Сибирь). Как бы откликаясь на эту символику, масленичное время своими обрядами тесно увязывается и с началом создания семьи, и с началом подготовки к новому сельскохозяйственному году. Оно также предвосхищает Пасху - праздник, который связан с воскресением, с уже полным обновлением мира.

Переход в новое время требовал отказа от всего старого, отслужившего. Масленичные обряды нередко демонстрируют это стремление. Широко распространено ритуальное сжигание перед новым сезоном отходов соломы, льна: *«жгали костяцу, чтобы летом лён нарос»* (Усольский р-н). Неслучайны связанные с этим обрядом гадания: когда на масленицу жгли остатки обмятого льна, замечали, как при этом летят искры (если искры поднимаются высоко, хлеба будут «долгие» и урожай будет хорошим). Как модификация идеи «исчерпанности» жизни к Великому по-

сту, выступают многочисленные формы масленичных обрядовых действий с костями, корочками хлеба, с рваной одеждой. Символически «прощаясь» с пищей, с богатством, человек как бы задабривал высшие силы на новый сезон.

Совершенно очевидна связь Масленицы с обрядами плодородия. Поскольку в традиционной культуре плодородие тесно связано с культом умерших родителей, Масленицу отличает использование некоторых обрядов поклонения предкам. Она и начинается после Вселенской родительской субботы, а первый блин, этот неизменный атрибут Масленицы, съедается *«как первый поминок»*, в память *«о родителях»* (кроме того, блины обязательно подавали нищим с напутствием помолиться за усопших). Блины известны еще и в поминальной обрядности, о значимости их в ритуале почитания умерших говорит прикамская поговорка *житье блинам на поминках*. Одно из самых древних изделий русской кухни подается на Масленицу с различными приправами: с маслом, сметаной, соленой рыбой, икрой, тертым сыром, грибами, брусникой, маком, медом, вареньем, а самое главное, воспринимается как блюдо из «магических» продуктов - молока, яиц и муки. Само печение блинов уподоблялось в славянской мифологии пребыванию в ином мире, служило аналогом первотворения мира и солнца. В свадебном обряде, а также в приуроченных к Масленице визитах недавно женившегося к теще манипуляции с блинами отмечаются как одно из обязательных испытаний невесты и жениха.

Любопытно осмысление блинов в народных загадках, где они вполне очевидно одушевляются. Процесс печения блинов, и особенно шипение блина на сковородке шутливо истолковывается как разговор: *«Одна плешь под гору, другая - на гору. Плешь плещи бает: «Я - плешь, ты - плешь, на плешь капнешь, о плешь шлёпнешь, плешь сдерёшь, другую наведешь»* (шипение представлено здесь скоплением шипящих звуков; похожа на приведённую загадка о том, как едят блины: *«Плешь на плешь, на плешь капнешь, вчетверо согнешь да в рот запихнешь»*). В других текстах блинная сковорода уподоблена волшебной птице (*«сидит Царь-птица на золотых яйцах»*), а блин рыбе (*«берега железны, рыба без костей, вода дорога»*). Подобная символика, безусловно, неслучайна и рождена мифологическим мышлением.

Символический мифологизм очевиден, впрочем, и в самом названии Масленицы (в Прикамье Масленицу нередко называют также *Мáслены* - по аналогии с названиями таких обрядовых событий, как *влязины* о новоселье, свадебных *смотрин*, *простин* и пр.; множественное число здесь как бы дополнительно указывало на наличие в празднике нескольких этапов). Название праздника связано с древней символикой масла. Само слово масло образовано когда-то от глагола *мазать* и обозначало продукт как животного, так и растительного происхождения, который в «сгущенном» виде концентрировал природную энергию. Именно поэтому масло в древности использовалось как любимая языческая жертва – им смазывали фигурки божков. Позднее смазывание маслом стало осмысляться просто как знак выказывания особого почтения. Память об этом сохранилась в народных выражениях *маслить голову* - выказывать уважение, задабривать; неслучайно на Вятке о неласковом говорят до сих пор *у него в голове масла нет*. Обычай *маслить голову* был широко распространен в крестьянской среде, в связи с чем созданы выражения типа пермских *масло на голову лить* ‘жить в богатстве’, *масляна головушка* ‘о милом, дорогом человеке’, *на него хоть масло лей - он все деготь* ‘о сварливом’. «Отсутствие» масла на голове (в голове) стало еще и указанием на глупость человека (в архангельских говорах о глупом говорят *не до дна масляный*, а в кировских - *масла в голове не держит*). Масло как продукт, представляющий собой «квинтэссенцию», концентрацию «соков» природного мира в народной культуре до сих пор отличает высокий магический смысл – им в знахарской практике смазывали язык ребенку, который шепелявил, голову тому, у кого плохо росли волосы, на него проносят наговоры при лечении многих болезней. О связи обряда именно с Масленицей говорит фрагмент описания праздника, отмеченного в д. Искильда Куединского района: *«Когда в Масленицу зять приезжал к теще на блины, она лила ему на голову ложечку масла»*. На базе этого обычая даже появилась шутливая оценка плохой тещи: *«Когда ты мне на голову-то масла лила!»*.

Именно масло стало символизировать максимум пиршественного разгула в момент резкого изменения ритмов природы. Прощание с ним в общем контексте календаря выступает как магическое жертвоприношение пищей (ср. аналогичные для европейских

культур карнавалы, праздники, название которых происходит от итальянского carnevale, буквально 'прощай, мясо').

Немало о символической сути народного праздника могут сказать и разнообразные эпитеты к Масленице, ее описательные названия. Название Масленицы *поползухой* указывает на непостоянные сроки проведения обряда (праздник, ориентированный на Пасху, как и она, связан с лунным календарем, отмечается «не в числе»). Названия типа *озорница, веселая, бешеная Масленка* подчеркивают шумный, наполненный многочисленными действиями характер праздника. Распространенное определение праздника *Масленица-объедуха* подмечает не только пиршественный разгул праздника, но и грядущий за праздником период воздержания в пище. Называют масленицу также *широкая* (эпитет указывает на растянутость во времени), *честная* – 'особо почитаемая'. Определение ее как *семикова племянница* связывается с тем, что она, как и Семик, отстоит от Пасхи на семь недель (Семик, или Седмик, день поминовения умерших, праздновался на седьмой четверг после Пасхи). Немало и «нелицеприятных» и даже грубых оценок праздника типа *Масленица кривошейка* (определение подчеркивает «асимметричность» персонифицирующего праздник персонажа; кособокость, горбатость и другие уродства вообще часто приписываются демонологическим персонажам). Грубое определение *сука Масленица*, кроме того, что оно отражает десакрализацию Масленицы как божества, чье время прошло, возможно, стоит соотносить с распространенным в традиционной русской культуре восприятием самки собаки как мифологического персонажа. «Сын суки» (с разными именами: Сучич, Сучевич, Сученко, Сучкирь, Сучеников сын) отмечен в славянском фольклоре как персонаж-герой, побеждающий змея, как спаситель солнца и луны. Еще одно частое народное названия праздника *Масленица-мокрохвостка (мокроподолка)* намекает на обильные катания и пребывание в снегу как главное занятие в праздник.

Как видно из названий, Масленица, подобно другим праздникам, очень часто персонифицировалась, олицетворялась в облике человека. В Прикамье она представлялась не только в виде широко распространенной фигуры - женщина со сковородником или метлой. Она изображалась в виде мужика, соломенного чуче-

ла, а то и двух чучел, с мужскими и женскими чертами. Особенно активны были обряды с соломенным чучелом Масленицы в последний день праздника. Это чучело возили по деревне, возвещая о наступлении поста: *«После масляной говеньё будет; раньше, бывало, лошадь запрягут, соломенную тушу изладят, шубу на ее наденут, на лошадь посадят, он едет, рукава болтаются; говеньё, говинник, говорят, едет»* (Володино, Соликамский р-н).

Нередко слово Масленица переносилось на тех, кто ходит ряженым, а то и на масленичный поезд. *«Масленкой называли кто ходит по деревне в Масленицу, снаряжится. Рядились в зверей разных. Мама печёт блины, оладьи, на скамейке постлана скатёрка. На масленицу пришли, полна изба. Парень бежит на ногах, на руках шуба перевернута с цепью. Парень-то руками маму берёт, цепь болтается. Это он медвежонком был. В Масленицу всё ходят, снаряжаются. В каждый дом заходят, напьются, наедятся. Одевали длинное да навыворотень»; «Масленка едут. Сверху лапти повесят красными поясками, человека делают из соломы, двух — мужчину и девуку, дают им полотенце на руку. Мужик один бок держит, правый бок ли что ли, второй бок девка держит»* (оба текста записаны в п. Чурган, Гайнский р-н).

Оригинальна еще одна имитация Масленицы в Гайнском районе: *«В Масленицу, особенно в последний день, воровали сани и на реку их везли, кататься с берега. Куклу делали: возьмут пень, фуфайку на него наденут, факел зажгут. Горит, и ладно, весело всем было. А пепел-то от куклы потом по огороду рассеивали да говорили: «Чтоб масленица с моего дому не уходила»* (Сёйва). Обряд красноречиво свидетельствует о своеобразном «жертвовании» Масленицей, смерть которой становится условием «оживания» природы. Впрочем, нередко, в уже более позднее время, встречая и провожая Масленицу, возле дома просто разжигали костер из соломы и старых веников, а то и просто возили по деревне санки, на которых на железном листе был разведен костер из разного старья (Кунгурский р-н).

Богато представлена в масленичных обрядах символика прядения. Некоторые элементы праздника связаны с обработкой льна - на Масленицу сжигали кострику, оставшуюся с осени после трепания льна, по Масленице замечали, в какой день надо бу-

дет сеять лен (в какой день масленицы хорошая погода, в такой день и сеять). Катание с гор напрямую связывалось с желанием, чтобы лен вырос долгим («*дольше катишься – льны долгие будут*»). Именно на Масленицу, в Чистый понедельник, единственный раз в году, необходимо было мыть прялку. Можно предполагать, что персонифицирующая ритуальное время праздника «Масленица-пряха» сама выступает как мифологический персонаж, символизирующий движение времени. Этим может быть объяснен устойчивый не только в Прикамье запрет на прядение на масленичной неделе: людям прясть нельзя, потому что в это время прядением занимается само божество. (Впрочем, известно и бытовое объяснение: «*если прясть на Маслену, всю пряжу мыши источат*», т.к. пальцы в этот праздник не могут не быть жирными, масляными). Некоторые факты раскрывают и общую направленность праздника на плодородие сельскохозяйственных культур (любопытно в связи с этим название масленичной горки *долонь* – точно так же, как название места для молочения хлеба).

Структура праздника и состав обрядности

Карнавальная стихия Масленицы только внешне имеет черты неупорядоченности. Народные гуляния на масленой всегда имели свою внутреннюю обрядовую структуру. В Прикамье в целом не фиксируется жёсткое деление дней праздника, как в старых определениях: понедельник - «встреча», вторник - «заигрыш», среда - «лакомка» (или «разгул»), четверг - «разгуляй» (или «широкий»), пятница - «тещины вечерки», суббота - «золовкины посиделки», воскресенье - «прощеный день». В то же время нельзя не заметить некоторую спецификацию дней праздника. С *Масляного понедельника* начинали стряпать, а детям разрешали кататься на горках, однако «*широкая*» или «*коренная*» Масленица начинались с четверга, реже - со среды или пятницы (примечательно здесь название *большие столы* для конца масленичной недели: так в Прикамье обычно называют второй, самый обильный по угощению день свадьбы). Именно эти три дня, пятница, суббота и воскресенье, считались праздничными, нерабочими, и в эти дни в ход праздника активно включались взрослые. Если дети катались с гор всю неделю, то взрослое население каталось лишь в последние дни, и особенно в воскресенье. Кроме широко известных

форм – гостевания, катания с гор, на конях, в Прикамье отмечены и достаточно редкие. Так, в прошлом мужчины устраивали в Масленицу бои: *«Вот в Воскресенском было две горы. Собирались на двух сторонах мужики, там такое логово было. Делали мечи деревянные, и спорили, кто сильнее»* (Воскресенское Карагайский р-н). Д. К. Зеленин в своё время указывал, что драки, кулачные бои на Масленицу (особенно их много было в моменты взятия снежного городка) есть отголосок древнего поминального обряда; кулачные бои отмечены также на Троицу, праздник, тесно связанный с культом умерших. Отголоском поминальных тризн считал Д. К. Зеленин и масленичные скачки на конях (этот элемент похоронного обряда известен во многих культурах, в том числе отмечен еще у древних греков). В целом же сведения о масленичных мужских состязаниях в Прикамье достаточно фрагментарны: в Оханском районе *«мешками с соломой взрослые сбивали друг друга с бревна»* (д. Беляевка), в Чердынском районе на Масленицу *«мужики бились на кулаках улица на улице»* (с. Редикор), в русских деревнях Гайнского района парни и мужики устраивали настоящие «баталии» с деревянными мечами и топорами: *«Парни бои устраивали с топорами, в шутку, конечно. Раньше весело было...»* (п. Чурган).

Катание на конях

Одним из наиболее характерных элементов масленичного гуляния было катание на конях. Коней и упряжь к Масленице готовили заранее: за несколько недель коней начинали кормить овсом, к празднику до блеска начищали праздничную упряжь, а самих коней чистили, расчесывали им гривы: *«Парни взрослые начинают лошадей чистить: подчистят все, стараются, гриву расчесут, чтоб они красивые могли выглядеть»* (Куединский район, д. Узяр).

Кататься на конях на масленичной неделе начинали обычно с четверга. Как правило, в катании участвовала вся сельская округа. Каждый день масленичный поезд собирался в одной из деревень, куда съезжалась молодежь с окрестных селений. Так в округе д. Плишкари Еловского района *«катание в четверг начинали в своей деревне, в пятницу катание на конях было в д. Тойкино, в субботу в другой деревне, в воскресенье – в Талый ключ, а по-*

том в Плишкари возвращались». Так же в округе катание на конях проводили в Чусовском, Осинском районах. В небольших деревнях (если катание на конях не носило отмеченного «окружного» характера) катались только один день, чаще всего – в воскресенье до обеда, а потом отправлялись кататься на горки. О масштабах, размахе масленичного катания в прошлом свидетельствуют некоторые сохранившиеся документы. Так в Горском приходе Осинского уезда, состоящем из 13 деревень, в Масленицу 1868 года выезжали на 550 лошадях, а к дугам было привязано 2200 колокольчиков.

Лошади, с украшенными дугами, праздничной сбруей, кошевки и сани с бархатными и ткаными коврами, масленичный поезд, состоящий из нескольких «экипажей» – об этом обязательно рассказывают старожилы, говоря о Масленице. Вот, например, как о масленичном катании вспоминают в г. Чермоз (Ильинский район): *«Парни с девушками катались. Ездили на тройках с колокольчиками. Кошевки украшены обычно красным или цветным бархатом. Сбруя обязательно особая была, уздечка с шариками медными – бубенцами, под дугой колокольцы, красиво очень. А не одна лошадь, а группой, двенадцать-пятнадцать, весь поселок объедут»*. В д. Осинцево Суксунского района также было принято украшать коней для масленичного катания: *«Лошадей украшали, ленточки навешают, конопляны кисточки наладят, выкрасят их разными цветами, конопль оно мягкое, еще пояса тут, ветер будет имя играть. Возжжи как поесья, тоже с кистями. Кошовки материалом обделаны, ковры постеляют взади – красиво!»*.

В масленичном поезде участники катания выстраивались особым порядком. Наиболее полная информация об этом известна из Чусовского района (здесь масленичный поезд имел особое название – свалка). Вот как проходило катание на конях в с. Копально: *«Ленточки, колокольцами дугу украсят. Сегодня катаются в той деревне, завтра – в другой. Сбрую начистят все, блестит, солнечный день дак, ох, как отливается! А на лошадях кататься свой порядок был. Если поехали, свалка сделалась, в первую очередь едут парни холостые. А потом едут сколько там молодые, сколько свадеб в году было. Молодые уже едут за имя. А напоследок едут девки. Еще разбираются – если этот парень*

получше, в первых санях, так и его девка сзади тоже в первых санях должна ехать».

Как правило, в катаниях на конях участие принимала исключительно молодежь, однако устраивали и детские катания. Детей катали либо рано утром, пока собирались взрослые, либо им запрягали рабочую лошадь в сани-розвальни, и они катались самостоятельно, но не по центральным, а по околоточным улицам деревни. Часто во время масленичного катания девушки исполняли лирические песни: *«На конях изукрашенных, ленточки, платочки. Без песен какая катка? Девоч в сани посадишь, поют, в кошовках. С четверга катаются, а у которых свадьба – во вторник, среду, раньше начинают»* (Чайковский район, д. Кемуль).

Нередко в Масленицу по деревне катался и свадебный поезд, так как накануне, а иногда и в саму Масленицу догуливали свадебные пиры. В свадебном поезде при этом варили пельмени и угощали встретившихся по дороге: *«Когда свадьба в Масленку, свадьба ехала, а в сани ставили печку, и там пельмени варили: гостей угощали, продавали. Две-четыре лошади, четыре-пять саней украшены, пельмени варит кухарка. По деревне катаются. Так один день ездили в середине недели»* (Чайковский район, д. Бормист).

Катание с гор

Для катаний с гор часто выбирали естественные возвышенности, крутой берег и расчищенный от снега лед реки. В то же время у русских в Пермском Прикамье известно множество различных вариантов строительства горок (собственно, как и вариантов катания с них).

Строительство горок, начинавшееся, как правило, за неделю до Масленицы, превращалось в своеобразный, иногда специально регламентированный ритуал (как уже указывалось, одно из названий предшествующей Масленице недели *закатошная*, как и последнего воскресения перед масленицей *закатошного воскресенья* происходит от того, что на этой неделе «готовили», «закатывали» горки-катушки - д. Дубовая Гора, Куединский район). В тех деревнях, где специально не строили горок, а для катания использовали естественные возвышенности, берега рек, накануне *парни «укатывали угоры»*. Коллективный характер строительства

горок отмечают многие информаторы. В д. Усть-Уролка Чердынского района берег реки готовили для катания целую неделю. В с. Юм Юрлинского района катушки делали к Мясокусному заговенью, на что также уходила вся предыдущая неделя: *«Собираются девки, парни вечерами, днем-то ведь работали. А вечером парни, девки выходят на берег, делают катушку. Парни делают, а девки поливают. Елки ставили, фонари делали из желтой бумаги, а туда свечку»*.

В строительстве ледяной горки принимала участие вся молодежь деревни. В этом случае сохранялось четкое разделение труда между парнями и девушками - парни строили горку, приглаживали и заливали ее, а девушки носили воду (такое совместное «творчество» нередко заканчивалось валянием в снегу и обливанием участников строительства). Обычно в небольших деревнях молодежь устраивала одну горку на деревне, в больших селах каждая улица, каждый околоток строили свою горку. Часто в таких случаях происходило соперничество между молодежью: *«чья горка лучше»*. В д. Усановка Уинского района воду для катушки возили в бочках; воду для катушки должна была привезти каждая семья, иначе никто из этой семьи не имел права кататься с горы. К понедельнику масленичной недели все должно было быть приготовлено для масленичного катания.

Устройство горок варьировалось в разных районах Прикамья, что объясняется разнообразием ландшафта местности. В Южном Прикамье чаще всего для катания использовали небольшие открытые от леса пологие холмы-«угоры», располагавшиеся около деревни (их просто накатывали). В Северном Прикамье катушки устраивали по берегам рек или стариц. Часто для катания использовали покатуую дорогу в деревне. В редких случаях горку готовили из снега (как правило, такие горки предназначались лишь для катания детей и подростков).

В случае, если в деревне не было естественных возвышенностей, которые можно было использовать для катания, горку ставили *«на столбах»* или *«на козлах»*. На установленные столбы под уклоном накладывали жерди или толстые плахи, засыпали снегом и заливали (такие горки чем-то напоминают современные деревянные городские горки). Интересным вариантом устройства горки была горка из двух рядов шестов. Для строительства её на

угоре параллельно друг другу на небольшом расстоянии укладывали два ряда длинных жердей-шестов (как рельсы на железной дороге); шесты поливали водой, намораживая на них лед. Катались на такой горке стоя, обязательно парами - один человек становился на один ряд жердей, другой – на второй, взявшись за руки оба катились вниз под гору. В Прикамье такой вариант устройства горки известен в Октябрьском и Уинском районах.

Одним из своеобразных вариантов масленичного развлечения было катание на самодельной «карусели», которую, правда, в Прикамье также называют *вертовой* или *круглой катушкой*, реже *катком*. *«У нас еще каток делали. Ось от телеги поставят, польют водой. На нее колесо тележное сверху, а к нему жердь длинную привяжут и санки или полусанки к жерди крепят. Санки кругом протаскают, и этот круг водой зальют. И приглашают девушку на каток. Садится, быстро так кружится»* (д. Ананичи Краснокамского района). Такую же катушку готовили и в с. Ключи Суксунского, в д. Стругово Кишертского района. Для катания часто использовали и крыши построек усадьбы, к тому времени изрядно занесенные снегом. Чаще всего на таких катушках катались дети.

В Кунгурском, Чердынском, Октябрьском районах вдоль катушки расставляли небольшие елочки. Вечером на елки развешивали фонарики со свечами, плашки с керосином, все это освещало горку. В д. Усть-Уролка Чердынского района, как и в других северных деревнях, вместо фонарей использовали *трубичи* – бересту, свернутую трубой: *«Елки все заставят и бересто навьют такими трубичами. Вечером зажгут ее и по реке по всей такой свет. Елки наставят, а бересто на ветки навесят и зажгут»*. В с. Петропавловск Октябрьского района елки на катушке устанавливали только в *позднюю Масленицу* - чтобы горка не растаяла под теплыми весенними лучами солнца.

Для катания на горках использовались различные предметы. Некоторые из них также помогают раскрыть символику Масленицы. С горок катались на березовых вениках, являвшихся одним из самых распространенных атрибутов многих календарных праздников (особенно активно веники использовали в катаниях последнего дня – ими как бы «заметали» масленицу). Для катания с гор использовали обмолоченные снопы, рогожки, сплетенные

из соломы, пучки соломы, перевязанные веревкой. Катались с гор на *сельницах*, в которых сеяли муку, на деревянных корытах. В Северном Прикамье чаще всего на горки брали и большие куски («*пласты*») бересты, в Южных районах липовые лубки, *кожи* (невыделанные шкуры животных). Использование в катании с гор сельниц, снопов, соломы придает катанию особый магический характер, связывает его с идеей плодородия. В д. Губаны Ординского района катались с горки даже на железном решетке, полив водой и заморозив его дно.

К Масленице для катания заранее готовили *лотки, кобылки и скамейки*. *Лотком, ледяной или клином* в Прикамье называли широкую толстую плаху длиной около метра с заостренным концом (кататься на таком лотке могло до трех человек). Иногда молодежь готовила большие лотки длиной до 2-3 метров: «*Лотки делали большие, метра два, выдолбят середину и поливают. А потом с верхнего конца катится*» (Чайковский район, д. Лукинцы); «*Семейный лоток был, они в хорошую погоду очень хорошо ездят*» (Чайковский район, д.Бормист). «*Днём по деревне ездили на лошадях с колокольцами, а вечером катались на лотках с зажженными факелами*» (Гайнский р-н).

Кобылка отличалась от лотка тем, что на широкую плаху прибавляли стойки с перекладной, а перед ними устраивали сиденье. Катались на кобылке по двое, как правило, парень с девушкой. При этом девушка садилась на сиденье, а парень стоял сзади, держался за перекладину и управлял кобылкой. «*Кобылка - один садится, другой сзади толкает*» (Чайковский район, д. Аманеево). Различные названия для такого лотка «*беседочкой*» отмечены в разных районах Прикамья: ее называют не только *кобылкой*, но и *конек, катышка, карежка*. *Скамейкой* называли большой лоток с сиденьем на всю длину, который действительно напоминал скамейку. На скамейке одновременно могло скатиться до десятка человек.

Для того чтобы лотки, кобылки и скамейки лучше катались, их обмазывали навозом, песком, заливали водой и морозили: «*Лоток отец делал деревянный, конским пометом обмазывал. Водой заливали, налепливали. За неделю начинают морозить - надо чтобы лед в палец был*» (Чайковский район, д. Романята).

Кроме специальных лотков, кобылок и скамеек нередко молодежь устраивала катание с гор и на конских санях, завернув, подняв вверх или убрав оглобли. В Карагайском районе для катания на горке приспособляли большое корыто: *«Делали батуй – это большое, глубокое корыто, брали которое коней поить, его ляпали навозом, обливали водой, намораживали катались с горки»* (д. Ст.Пашня). Часто для катания с гор использовали и деревянные санки, либо *резовые санки, резовики* - железные санки, либо деревянные, но с подбитыми железом полозьями. Саночки к празднику украшали: обивали бархатом, развешивали кисточки из ниток, на сиденье клали маленькую бархатную подушечку.

«Хорошо» или «баско» скатиться с горы считалось настоящим искусством; в некоторых деревнях девушки после катания целовали только того парня, который скатил их «баско». На санках и лотках парни управляли ходом движения небольшими деревянными палочками с железными наконечниками - *борозжалками*.

Многочисленными были и различные приемы катания с горы, особенно в среде молодежи. Наиболее популярным был способ катания *«парочкой»*, в этом случае парень скатывал понравившуюся ему девушку, которая внизу целовала парня. В ряде мест парень должен был «перекатать» всех девушек деревни: *«Кажну скатить надо, не только свою подругу. Самую сопливую, и ту надо скатить парню, и поцеловать»* (с. Григорьевское Нытвенский р-н). Оригинально катание *«кораблем»*. Кататься нужно было в этом случае втроем. Парни садились на двух концах лотка или санок лицом друг к другу, а девушка садилась посередине: *«Кораблем садятся - втроем: двое садятся друг к другу лицом, третий между ними...»* (Куединский район, д. Степановка). Иногда таким способом катались и по-другому: по краям садились две девушки, а парень размещался посередине. *Гуськом, гусевой, гусевкой, обозом, цугом* катались на нескольких лотках или санках. Катание таким способом действительно напоминало санный обоз - несколько санок, а иногда их число доходило до десятка, ставились друг за другом, при этом каждый сидящий на следующих санках зацеплялся ногами за впереди стоящие санки.

При катании существовала и своя система этических норм и правил деревенской молодежи. При катании вдвоем на кобылке девушка садилась *«на беседочку»*, а парень стоял сзади. На лотке парень садился первым и усаживал девушку на колени. После катания девушка целовала скатившего ее парня. Однако такие привычные нам сегодня отношения между парнями и девушками не всегда были нормой. В некоторых деревнях не парни приходили на катушку с санками и лотками, а девушки шли на горку с лотками, приготовленными отцами. Именно девушки везли санки в гору; парень садился понравившейся ему девушке на колени и скатывался с ней с горы.

Катанию с гор придавалось особое магическое значение. Женщины, даже старухи в некоторых деревнях старались на Масленице хоть один раз прокатиться с горы, чтобы в следующем году был хороший урожай льна. В с. Камгорт Чердынского района объясняли: *«Чтобы лен родился, бабы голой жопой по катушке катались»*. В других вариантах считалось, чем дальше женщина прокатиться на горке, тем длиннее у нее вырастет в этом году лен. Отмечается еще один обычай - плясать на катушке, надо чтоб хорошо сплясать и не упасть, когда едешь (д. Усановка Уинский район).

Масленичное ряженье

Само масленичное ряжение в Прикамье немногочисленно (характерно больше для юга края). В ряде мест оно несильно отличалось от святочного, но, в отличие от последнего, редко было самостоятельным и обычно дополняло праздничные игры, катание молодых, проводы Масленицы; было не «страшным», а комическим. Рядились обычно в цыганок, нищими, часто встречались травестийные формы, когда женщины наряжались «мужиком»: *«На масленицу рядились: пестерь за спину приладят, к нему метлу голую привяжут. Маскарованный заходит в избу, ходит по избе, водит метлой и говорит: «Села кошка на окошко, замает себе хвост». Хозяева напоят, за стол посадят, а в пестерь ему хлеба набросают, шанег»* (У.-Уролка, Чердынский р-н). Если даже не рядились специально, старались надевать что-либо ветхое, лохмотья, когда катались с горки: *«Катались с горки – шишками трясли»* (Кунгурский р-н).

Терминология ряженья во многом повторяла названия святочных ряженных, их также называли *сряжунчиками*, *шуликанами*. Лишь в Кунгурском районе существовало терминологическое разделение на святочных и масленичных ряженных: «*Сряженки – ряженные на Масленицу, а на святки – шуликаны*». Редкое название ряженого на масленицу *панья* (из ‘панья’, от ‘пан’ – барин), вероятно, занесено в Прикамье из западных или южных регионов («*Паньями сряжаются в последние дни масленицы, а то женихом с невестой, да кем хочешь*» - д. Рёлка, Усольский район).

Наиболее распространенным и интересным персонажем ряженья выступала сама Масленица. Многочисленны сведения о том, что Масленицу представлял мужик в исподнем, катавшийся на санях по деревне (Чердынский, Суксунский, Куединский, Бардымский р-ны): «*Тут у нас один старичок был, масленкой рядился. На лошади, на санях затопит калёнку соломой и ездит. Так его и прозвали Яким Масленка*» (Куединский район, д. Р.Чикаши). Масленицей в Куединском районе называли и женщину, едущую на санях, иногда с прялкой: «*Бабу дед посадил, он везет, на санках сам, лошади нет, в руки оглобли, санки едут, баба сидит-поет - Масленку везут*» (д. Суюрка).

Ряженье на Масленицу предполагало иногда и ряженье в животных: «*Сряжались волком на масленку, надевали на себя вольчью шкуру. Один мужик так сделал, лошадь испугал, она понесла и его зашибла*» (д. Коробейники Чернушинского района). В поселке Добрянского завода среди ряженных отмечен медведь. Часто рядились цыганками, мужиками и бабами: «*На масленицу рядились в цыганок и еще бабы мужиком наряжались*» (Чердынский район, д. Усть-Уролка); «*Сряжались цыганкой, стариком, старухой, по деревне ходили. На горках тоже снаряжались, шутили*» (Чайковский район, д. Бормист);

Масленичные ряженные, как и святочные, иногда совершали и обход домов. В отличие от святочного ряженья, он имел более комичный характер и приурочивался к дневному времени, а не к вечернему или ночному. «*На Масленицу рядились: пестерь за спину приладят, к нему метлу голую привяжут. В таком одеянии маскорованный заходит в избу, ходит по избе, водит метлой и говорит: “Села кошка на окошко, заматает себе хвост”. В пестерь ему бросают шанег, блинов, хозяева напоят, за стол поса-*

дят маскарованного» (Чердынский район, д. Усть – Уролка); «Сряжунчиками сряжались и на Масленке. Ходят и на Масленку по домам просят» (Чайковский район, д. Лукинцы). В отличие от святочного ряженья характерными атрибутами масленичного ряженья были овощи: лук, морковь, редька, свекла, старые веники, лапти, мочало. Некоторые формы ряженья имели явную эротическую символику (ряженая мужчиной женщина с морковкой на штанах). Повышенный эротизм масленичного ряженья перекликается со свадебным.

Особым видом масленичного ряженья были процессии ряженных на санях: «Сряжунчики в последний день ходили. Шубу выворотят, срядятся, лошадь запрягут в сани, печку поставят буржуйку, и топится она, на катушку приедет» (Чайковский район, д. Ольховка). Иногда процессия ряженных двигалась на нескольких санях и превращалась в своеобразный карнавальная поезд. «Едут кататься-то, кто и с пряхой едет в развальнях, прядут бабы-то. Пряли куделю, а подожгут кудель, она сгорит. Лошадь вся сряжена, вся в полотенцах, лошади не видно вовсе. Колокольцы, воркунцы на шее «бынь, бынь». Сколь может, человека два. Друга нация с венчиком едет, и ребенок маленький с пiskuшкой, плакает – кукла. Сделаешь пiskuшку. С венчиками на себя навесишь и едешь, поешь. Каменка топится, пельмени варятся, капустных настряпают» (Бардымский район, с. Печмень).

Частым персонажем такого ряженья были прядущие женщины: «Женщины прядут, едут, на каждой лошади с пряхой сидят» (Куединский район, д. Дубовая Гора); «Пресницу под жопу, веретено, прядут, песню поют. Не одна едет – пять-шесть. Еще поют: «Пряла я пряла беленький ленок»» (Октябрьский район, с. Русский Сарс). Воровали у нерадивых прях ткацкий станок и возили его по деревне: «У баб кросна своруют и возят, поставят и повезут, у кого баба ленивая. Обрато повезут: «Хозяин – выкупай». Вином поят, баб-непрях поздравляют» (Куединский район, д. Ключики).

Часто наряжались не только участники ряженья, но и разряжали коней, как это было в поселке Суксунского завода: «Это наши старики были, у меня тетя, два брата. Обои держали коней. Коневая была большущая. Оне были шутники, оне шутники

были. Вот в последний день Масленки, значит, они снаряжают этих коней: на ноги наденут имя лапти, коням лапти наденут; навешают на них это ...редьки - что завтра пост дак ить будет. Редьки, моркови, свеклы, чем могут только на коней навешают. А сами в кошеве сидят, печка топится, круглая печка, и дымок повалит - блины жарят. «Вот седня блины ешьте, а завтра вот вам че!» Редька, капуста. Ходят лошади. Оне парой запрягут. Это на смех уж оне. В последний день Масленки. Ак вот вылезут туда, на народ-то, а народу-то - уйма. Хохоту-то!».

Нередко в Масленицу по деревне катался и свадебный поезд, так как накануне, а иногда и в саму Масленицу догуливали свадебные пиры. В свадебном поезде обычно варили пельмени и угощали встретившихся по дороге: «Когда свадьба в Масленку, свадьба ехала, а в сани ставили печку, и там пельмени варили: гостей угощали, продавали. Две-четыре лошади, четыре-пять саней украшены, пельмени варит кухарка. По деревне катаются. Так один день ездили, в середине недели» (Чайковский район, д. Бормист).

Известны в Прикамье и варианты ряженья, когда вместо саней запрягали корыто, в котором и ехала процессия. В других случаях, как в Чердынском и Чусовском районах, на нескольких саях устанавливалось речное судно *шитик*, а ряженные матросы разыгрывали на нем представление и исполняли песню «Из-за острова на стрежень». О ряженных на саях или в корыте, закрытых пологом – своеобразном балагане ряженных в Прикамье известно по записям в Суксунском, Чернушинском, Октябрьском, Чусовском районах

Масленичные обряды с молодоженами

Как считал еще в 1927 г. Д. К. Зеленин, Масленица в целом может считаться праздником, знаменующим окончание периода свадеб. Об этом говорит прежде всего обилие обрядов с теми, кто недавно вступил в брак, а также с теми, кто не вступил, хотя и должен был это сделать. В ряде европейских стран, в частности, у немцев, также сохраняются обряды высмеивания старых дев, приходящиеся на первую неделю Великого поста.

Высмеивание тех, кто не смог в этом году жениться или выйти замуж, имело самые разнообразные формы: «В Масленую ста-

рых дев в корыто садят и по деревне таскают со словами: «Купите товар!» (Чердынский р-н, д. Лекмартово). На юге Прикамья отмечено катание на «старых женихах и невестах» - их валили на катушку и скатывались на них. Любопытным представляется катание «на холостой»: «молодых, жениха с невестой повалят на девку, которую сватали, да не взяли, и катят с горы» (Усольский р-н, п. Лемзер). Эти действия, безусловно, основаны на магических представлениях о плодородии не только земли, но и семейности человека; одиночество, отсутствие семьи в крестьянском социуме не поощрялось, и выполнение указанных обрядовых действий должно было способствовать замужеству и женитьбе: «На старых женихах катались. Ага, хотел жениться, да не женился, так же и девка» (д. Ольховочка, Чайковский р-н); «Видала - лет тридцать ему, как не кататься. Он на пузе лежит, а они сверху, девки, на нём, катаются» (д. Романята, Чайковский р-н); «Вот посватается, да не женится, да девка замуж не выйдет, дак вот тогда катаются на них. Повалят, вот в лоток. Да все навалятся на него и катятся, а то в снегу зареют. Это уж было. Раз не вышла, дак провинилась» (д. Завод-Михайловский, Чайковский р-н); «В Масленку катались. Дак о! К которой сватались, сватались, дак в лоток повалят и издят на ней. Котора замуж не вышла, а к ней сватались» (с. Фоки, Чайковский р-н); «В Масленицу на невестах катаются. Невесту просватают и не возьмут. Вот ее повалят на лоток и сверху садятся, бывало, до смерти и задавят» (д. Каменный Ключ, Чайковский р-н); «Вот жених, который посватался, невесту не может высватать, не женится в мясоед, значит, на Масленку катаются на нем, балуются, куча мала повалит, на лоток повалит и катается» (д. Сосново, Чайковский р-н). Существовали и другие варианты и объяснения катания на молодых девушках: «Если девка замуж не вышла, то в сани садят и катают, и она замуж и выйдет» (с. Фоки, Чайковский р-н). Очевиден и очистительный смысл такого катания: в ряде мест скатиться с горы на Масленице было принято на «гулящей» («На гулящей девке все в лотке катались» - д. Маракуши, Чайковский р-н).

Широко практиковались катания с молодыми, недавно вступившими в брак: «Дружок жениха посадит невесту на колени, жениха садит на колени к себе дружок невесты, и катятся с

горы, как проехали, молодых уводят домой, где молодые угощают дружек пивом» (Усольский р-н, п. Лемзер); «Если первый год вместе живут, молодуху в масленицу в кучу парней и девок положат и скатятся: «О, молодуху де объехали» (Володино, Соликамский р-н). К обрядам с молодыми относится и то, что молодых супругов заставляли принародно целоваться: «в Масленку невесту на катушке должны были принародно парни целовать, перво конечно спросят у жениха разрешение» (Чернушинский р-н). Недавняя невеста обязательно «демонстрировала», что катится с горы именно молодая: «На масленицу молодуха, которая первый год замужем, катилась с горы в одной косынке, верхний платок снимала» (Соликамский р-н, д. Лызиб).

К указанным обрядовым действиям можно отнести и обычай ездить на Масленицу к молодым «целовать молодяфью». Посещать молодых было принято в субботу или воскресенье масленичной недели; как правило, молодая должна была угостить пришедших пивом. «В прощенное воскресенье ходили молодяфью целовать, родственники придут и целуют невесту» (д. Каменный Ключ, Чайковский р-н); «Молодаяфью целовать ездили, это котора замуж недавно вышла. На лошадях ездили» (д. Кемуль, Чайковский р-н); «В субботу молодяфью целовать ездили, она пивушка подает» (с. Уральское, Чайковский р-н).

Самое широкое распространение в Прикамье получил обряд, продолжавший свадебную традицию. Чаще всего именно во время Масленицы недавно женившийся ехал на хлебины, как правило, с подарком теще (при этом, если невеста была «умной», жених покупал отрез на платье и дарил его теще — Усольский р-н, д. Кекур). В д. Дуброво Еловского района в Масленку невесту возят по гостям, по всем родственникам, которые гуляли на свадьбе, в Карагайском районе молодые на масленицу также «отгащиваются» — идут в гости к тем, кто был у них на свадьбе (Караг.).

В д. Кресты Еловского р-на в «зятьев день» (он мог быть и на масленичной, и на пасхальной неделе) к теще на блины собирались все зятевя. Все мужья приходили без своих жен, теща наливала полный ковш браги и подавала его сначала старшему зятю, потом всем остальным, по очереди. Угостившись брагой, зятья приступали к блинам. Каждый родственник за блин распла-

чивался с тещей денежкой. Визиты к теще на блины обставлялись массой особых ритуальных действий: *«На хлибины ездили на Масленицу к теще на блины, у тещи жених с невестой обязательно должны были ночевать. Теща там блины пекет, утром. Напечет, зять еще в постели, теща возьмет первый блин со сковороды-то да зятю бросит на голову, бросит да еще не на голову попадѣт, на шею куда-ко, и прикалит. У стряпки руки-то терпеливы, она со сковороды блин возьмѣт стерпит, а зятя-то прикалит»* (Юрлинский р-н). Другой «блинный» ритуал заключался в том, что теща также бросала на голову жениху блин с горячей сковородки, а потом выносила ему стопку блинов. При этом сверху на блины теща клала портянку, свернутую и обвязанную опояской (жених брал портянку себе в качестве подарка - д. Тимина Юрлинского р-на). Другое испытание зятя блинами зафиксировано в Городище Соликамского р-на: *«Молодые, кто первый год живут, в четверг ездили к теще, теща блинами кормила зятя. Первый блин сверху клали, а под него остальные углом сворачивали. Первый блин полный маслом налитый – «Зятек, давай, кушай». Который знает, дырочку прорвет, масло вниз и уйдет, а который не знает – обольется весь»...*

Масленичный стол

Масленичный стол заметно отличался как от обычного скоромного, так и от постного стола. Из пищи на масленой неделе исключалось мясо, но присутствовали блюда из яиц, молока и рыбы. В масленицу не готовили обычной пищи, *«только стряпали каждый день»*.

Исключительно масленичным блюдом были *орешки* или *малинки* - небольшие кусочки пресного теста, обжаренные в масле перед огнем русской печи. В русских деревнях Гайнского района специально в последний день Масленицы готовили особое печенье, которое так и называлось *масленка*: *«Масленку делали в последний день Масленицы. Масло растопишь и с мукой замесишь, как тесто, сделаешь коржик, колобочки, и в печку. Это в последний день делали, а блины и оладьи целую неделю»* (д. Плѣсо). Ритуальность блюда, видимо, связана с обязательным использованием масла для приготовления орешков и масленки.

Традиционным масленичным блюдом считались блины и оладьи. Блины в Прикамье готовили из пшеничной, ячменной, гречишной, овсяной, гороховой и ржаной муки: *«Блины пекли, оладьи из гречушной, из гороховой, блины еще из ячменной»* (Куединский район, д. Тапья). Часто информанты отмечают, что в первые дни Масленицы стряпали оладьи, и только с середины масленичной недели начинали стряпать блины. В других случаях блины стряпали всю неделю: *«В Масленку каждый день пекли блины, всю неделю»* (Куединский район, с. В. Буй) Традиционные оладьи чаще готовили из пресного бездрожжевого или квашеного теста. Оладьи были таким же распространенным масленичным блюдом, что и блины: *«каждое утро оладьи настряпают»*. Блинов на масленицу готовили действительно много: *«Ну, на Масленицу у нас всегда дома бабушка и мама пекли блинов. Блины - это основное блюдо было почему-то. Блины, блины... Целое ведро разведет бабушка в день, и ей не лень было!.. Она стоит и жарит этих блинов, знай»* (Суксунский район, д. Киселево).

Обильной была и другая масленичная стряпня, однако она не отличалась от обычной праздничной. Стряпня была разнообразной: пресные и сдобные шаньги, кулики или перепечи с начинкой из ячневой каши, капусты, картошки, небольшие сдобные каравашки и булочки, каравай из сдобного сладкого теста селянки или грузли, грузлевики выпеченные в фигурных формах, хворост или кудри, разборные караваи со сладкой начинкой, разборные караваи или маконцы из сдобного теста без начинки. Разнообразными были и пироги с начинкой: капустные, морковные, свекольные, картофельные, калежные (с начинкой из калеги или брюквы), грибные, калиновые, из сухих ягод. Традиционным праздничным и обрядовым блюдом в русских традициях Прикамья был и рыбный пирог, который также в некоторых деревнях обязательно готовили на Масленицу. Распространены были и пирожки с разной начинкой.

Молочные масленичные блюда включали молоко, сливки, сметану, творог в чистом виде, так и топленое молоко. «Сырный» характер праздника, обозначение масленой недели в церковном календаре как сырной обусловил и приготовление на праздник различных блюд с творогом или сыром. На Масленицу готовили сырные пирожки из пресного теста с творогом, сырники (творог,

запеченный с яйцами). Нередко на масленичный стол подавался и домашний сыр.

Отдельную группу составляли блюда с яйцами. На масленичной столе присутствовали не только вареные, но и «печеные» яйца (яичница-глазунья). Из яиц с молоком готовили *яичницу*, *сельянку* или *скородумку*, как в разных районах называют омлет в современном понимании. Любопытно, что блюда из яиц допускались в масленичные дни, хотя в целом в Прикамье отмечен достаточно жесткий запрет на употребление яиц в пищу «до Паски» (*«не ели яички до Паски, не то летом комары закупают»* - Карагайский р-н).

На горку нередко приходили с угощениями: «Вечером собирались вместе, несли квас, брагу, несли рыбные пироги» (Гайнский р-н). Дети несли с собой сюда же катышки-орешки, обменивались ими и «хвастались»; в Юрлинском районе отмечено также, что дети с масленичными угощениями залезали на деревья (д. Осинки). Стряпню, оставшуюся от Масленицы, сохраняли до следующего мясоеда, как правило, ее сушили и в пестерях или корчагах хранили на чердаке дома: *«Мама в корчаге высушит все корки в печи и уберет на голубницу до Пасхи»* (Бардымский район, с.Печмень).

Наиболее полно обрядовая сторона Масленицы проявлялась в праздновании последнего дня, в действиях, исполнявшихся в первый день поста – Чистый понедельник. Ниже дано описание основных праздничных дней Масленицы.

Прощеное воскресенье

(Прощальный день, Прощальная Масленка, Целовник)

Одним из названий последнего дня Масленицы было Прощеное воскресенье. В этот день было принято прощаться - просить друг у друга прощения. Разнообразными были варианты этого ритуала. В некоторых деревнях просить прощения было принято младшим - у старших, как например, в п. Суксун: *«Прощеный день, значит, это как вечером, в 6 часов, на катушке народу полно. Как звонят на церкви в большой колокол-то, значит, все - Масленка кончилась. Народ идет в церкву. В церкву народу*

ходило много. Прошашается народ, прощаются друг со дружкой. Вот зятевья к тешшам идут прошашаться, падают в ноги, прощения просят: «Прости меня, Христа ради!» Кто и скажет: «Господь простит! Меня прости, Христа ради!» Это прошшенье было. Хоть девки, хоть ребята, хоть кто. Домой придут с катушки, скажем, вечером, с родителями прощаются. Все: «Прости меня, мама, Христа ради!» В ноги падают. С родителями и хоть с кем можно, со всеми. А родители перед детьми - это нет. Ребята с родителями прошашаются». В других деревнях, наоборот, старшие первыми просили прощения младших: «Прощались только взрослые, к примеру, муж с женой и у молодых, у ребят просили прощения» (Куединский район, д. Степановка). В д. Бормист Чайковского района просить прощения молодые ездили к родителям: «На Масленке последний день – жених и невеста прощаются, ездили к родителям, благословлялись на коленях». В старообрядческих традициях юго-западного Прикамья в первую очередь просили прощения у наставника: «У настоятеля простятся, он всех простит, потом у всех он просит» (Чайковский район, д. К. Ключ).

Словесные формулы, произносимые при прощении, были достаточно просты:

- Прости меня!
- Бог простит!

Могли также сказать: «Бог простит вас, вы нас простите». В старообрядческой среде Куединского района бытовала и более развернутая формула, произносившаяся при этом:

- Прости меня!
- Бог простит.
- Благослови!
- Бог благословит.
- Помолитесь за меня!
- Помолится Госпожа Пресвятая Богородица.

Последний день праздника назывался Целовник. «В воскресенье был Целовник, собиралось много людей. Гостились, всех ходили друг к другу, разделений между близкими и гостями не было, всем к столу подавали одинаково» (д. Антипино, Красновишерский р-н). Воскресенье было апогеем масленичного гулянья. Оно называлось также прощенное, или прощальное, а также прощальной день, прощальная Масленка. В этот день продолжали

кататься с гор, на конях, ходили ряжеными, но главными были проводы Масленицы и обычай «прощаться», т.е. просить прощения друг у друга.

Проводы Масленицы проходили в прощенное воскресенье вечером. Кроме сжигания чучела или соломы, а нередко соломенного снопа полагалось ломать катушки и даже разбивать лотки, на которых катались. Чучело Масленицы могло заменяться ряженым (его провозили по всей деревне). Это воскресенье (другие его названия - *Прощальная Масленка, Масленичное воскресенье, Целовник*) было апогеем масленичного гулянья. По количеству совершаемых действий день заметно отличается от остальных дней Масленицы. В этот день катались на конях, на катушке, ходили по гостям, а вечером проводили последние проводы Масленицы. Практически всегда при этом присутствовал разведенный костер, очистительный огонь. Проводы Масленицы в некоторых деревнях проходили до начала вечерней церковной службы, *«пока колоколо не ударит»*, в других случаях – поздним вечером.

Классическим русским вариантом проводов Масленицы было сжигание антропоморфного чучела, известного также во многих деревнях Прикамья. *«В последний день жгли солому, чучело делали и жгли. Лапки втыкали как руки. На палке солому навязывали. Голова шею перевязывали, а дальше как сноп. Руки – из соломы. На горе жгли потом, вечером уже. Каждый год чучело делали. Сначала солому сожгут, потом чучело сжигают, положат. Это на горках делали. Сколько горок, столько костров, три конца было – три горы делали. На тех горках костры жгли. «Гори, гори Масленица»»* (Чайковский район, с. Фоки); *«Соломенное чучело делали, одежду соломой набивали. Штаны, пинджак, шапка, как мужик»* (Ординский, с. К.Ясыл). В д. Каменный Ключ Чайковского района масленичное чучело представляло сложную конструкцию из столов, лестниц, соломы. *«Масленку провозжат - всё натаскивали середь деревни, то скамейку, по верх помело, стол, плетень, поленницу, на стол две лестницы, на лестницу помело вверх мочалом привязжут. Ступу принесли, соломой чучелу сделали, пальто как-то надели, как человек ступу толкнет»*. В с. Уральское Чайковского района чучело разбрасывали по катушке и только затем сжигали: *«Ну, из соломы сделают, рукава каки. Пляшут, скачут круг ее. Всю ее разбросают на ка-*

тушки, сожгут все – не оставляют ниче в последний день». Иногда чучело ставили на сани и провозили по деревне, так было, например, в д. Ваньчики Чайковского района: «Это потом сжигали, в последние дни Масленку сжигали-то, сжигали. Куклу большую делали. Она с метр. Из тряпок, да из чего сделают, самовар туда на санки ставили, и по улице. По улице пройдут с песнями, потом обратно. На краю сожгут». В Карагайском, Гайнском районах, когда жгли чучело Масленицы, старались набрать пепла, а затем его сеяли на поле вместе с зерном. В д. Салтаново Чердынского района масленичное чучело не сжигали, а топили в реке.

В с. Калинино Кунгурского района сжигание масленичной соломенной куклы называли «Жечь медведя»: «На масленку-ту медведя жгли, делали из соломы куклу, под окошко поставят, да и сожгут». В Добрянском заводе одним из персонажей масленичного ряженья также выступает медведь, которого возили в санных по поселку: «На дугу веники навешали, ряженые там ездят в последний день Масленицы. Поесья навешивали на дугу. Ряженые песни поют, любые. Делали чучело. В санки его посадят, человек, который правит – верхом. Чучело как медведя срядят. Медведь – Мишка и Ванька. Он воет, ему кричат: «Перестань!». Представление Масленицы медведем неслучайно: символика медведя в севернорусской обрядности связана с культом солнца. В традициях многих северных народов медведь был универсальным зооморфным символом весны¹.

Однако далеко не во всех прикамских традициях проводы Масленицы связывались со сжиганием антропоморфного чучела Масленицы. В ряде традиций русских Прикамья проводы Масленицы заключались в сжигании большого вороха соломы на горке-катушке. «Масленку жгли на горке. Кто последний катается – ему привяжут солому на санки и зажигают. Соломы приносили кому охапку или две. Чучело не жгли» (Куединский район, д. Степановка); «Последной день сожгут ее, да и только на Масленке. Принесут соломы, да ково ли, сожгут да и только, всё, Масленка сожгата» (Чайковский район, д. Аманеево).

¹ Конаков Н.Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код): Серия препринтов «научные доклады». Вып. 243 / КНИЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1990. С.15.

Бытовали и другие варианты проводов, сжигания Масленицы. В д. Бормист Чайковского района чучело не делали, а жгли на горке соломенные жгуты. *«Солому в лотках жгли посередь деревни. Сделают из соломы прут как косу, возьмут в руки, зажгут и едут. Лотки сожгут и больше не катаются»*. В д. Ольховка Чайковского района на проводах Масленицы на санях зажигали дрова и ездили с огнем по деревне. *«Народ собирается на катушку. Вечером идут, дрова на санях жгут, по деревне провезут»*. В д. Вассята Чайковского района пучок соломы, привязанный на веревке к коню, зажигали и волокли по дороге: *«А в последний день уж в воскресенье, тоже кто-то придумат: навяжут соломы пучок, привяжут веревку, садится человек верхом, подъезжат к этой, к катушке, зажгут эту солому-то, тихонько едут, едут— конец Масленки»*.

В некоторых деревнях на проводах Масленицы сжигали или ломали катушку. На лотках, кобылках, скамейках катались по огню, чтобы сколоть лед, так как после Масленицы они становились ненужными: *«Гвозди кидают, под лотки-то, чтоб лед отколоть»*; *«В воскресенье Масленку жгешь. Костер разводишь, по этому костру катаешься, лед обдираешь»* (Чайковский район, д. Аманеево). В масленичный костер часто бросали и елки, украшавшие горку во время праздника.

На некоторые детали проводов праздника наложило свой отпечаток межэтническое окружение русских Прикамья. В Верещагинском и Очерском районах, провожая Масленицу, говорили: *«В вотяки Масленка уходит»*, во многих южных районах Прикамья *«Масленку провозжали к татарам»*. В данном случае в этих формулах развертываются представления о географических соседях как представителях другой, «чужой», противоположной культуры.

Чистый понедельник

*(Чистый понедельник, Сборный понедельник,
Чистая Масленица)*

Первый понедельник Великого поста назывался *Чистым понедельником*. Однако действия, совершаемые в этот день, можно считать завершением масленичной обрядности. Название Чистый и действия, выполняемые в этот день, связывались с чистотой,

очищением. Другое, более редкое народное его название – *кислый понедельник*: «*Кислый понедельник придет - конец масленке, больше не гуляют*» (Карагайский район, с. Нердва). В Чистый понедельник стирали, топили баню, мылись, чистили и мыли посуду, выгравляя из нее «*молосный масленичный дух*». «*Чистой масленицей называли, стирались, мылись. Он сразу после Масленицы*» (Чайковский район, с. Завод Михайловский); «*Прощальное Воскресенье, потом Чистый Понедельник: утром рано баню топят, моют полы, все очищают. Посуду, раньше же все пост соблюдают, все молосные горшки, кастрюли, чугуны все вымоют, все чисто, воду выльют*» (Чайковский район, д. Сосново); «*В чистый понедельник надо все в избе перемыть, вплоть до мутовки, и про себя баню истопить с утра*» (Чердынский район, д. Б. Долды). В с. Русский Сарс (Октябрьский район) утром было принято мыть пряхи, так как считалось, что в этом случае лен будет расти высоким. В д. Мысы Гайнского района, чтобы лен рос длинным, «*в чистый понедельник заставляли ребят с крыши кататься на пряхках, говорили, чтоб лен долгой вырос*».

С очищением можно связывать и купание в снегу, приуроченное к этому дню: «*Как Масленица пройдет, мужики бегают по избам, бани рано топили в понедельник, бегают, кто в баньку сходит, и купают, из бани выволокут нагишом, в снегу выкатают всего. Молодушек, кто замуж вышел, свадьба только прошла, дак вот их. Пуще мужика молодых-то купают. Ой, ой, на че это было!*» (Куединский район, д. Кибай). В Добрянском районе купание в снегу на Чистый понедельник бытовало в каждой традиции: «*Все кидали друг друга в снег, снег везде наберется, так валялись; называлось кости собирать*» (с. Висим); «*В Чистый понедельник шли, где молодая есть, ее позовут, одета, неодета, хватают и в снег выкидывают. Уж обязательно искупают, это и есть кости собирать*» (д. Голубята); «*Копотились после Масленки, соберутся, всех в снегу парни выкупают, кто мимо идет – и тех туда же*» (Добрянка).

В некоторых деревнях Чайковского района в Чистый понедельник молодые, женившиеся в мясоед, ездили к родителям невесты за приданым (в большинстве традиций за приданым ездили в первое после Масленицы воскресенье - Сборное воскресенье). С поездкой за приданым, видимо, и связано такое название Чис-

того понедельника, как *Сборный понедельник*. «По приданое ездили в сборный понедельник, кто телку даст, кто что» (Чайковский район, д. Бормист).

К Чистому понедельнику приурочивались в ряде мест и последние проводы Масленицы, те действия, которые чаще всего в Прикамье совершали в воскресенье. В д. Романово Ильинского района в Чистый понедельник сжигали катушку, при этом говорили: «*Мы так Масленицу топили*». В деревнях Чекмени Нытвенского, Ореховая Гора Чернушинского районов в Чистый понедельник сжигали масленичное чучело: «*А в Чистый Понедельник жгали Масленицу. Делали чучело: солому завяжут, платок оденут, как женщину, в рост человека. [Лицо?] Кто как, тряпкой завяжут, иногда и рисовали. Одевали настоящую одежду: юбку, сарафан*» (д. О.Гора). В д. Степановка Куединского района в Чистый понедельник еще продолжали ходить масленичные ряженые: «*Были маскированные. Мы с подружкой уже в Чистый Понедельник ходили - мне брат из бересты маску сделал*».

В Чистый понедельник последний раз прокатывались с масленичных гор, «*собирали кости*»: «*Ходили кости собирать*», *после чего сжигали катушку*» (Куединский район, д. Губаны); «*В понедельник кости собирали, ну на катушки шибились, потом ездили ушибы, кости собирать. В понедельник последний раз катались, все кости собирали*» (Куединский район, д. Кибай). В этот день принято было доедать корки от пирогов и допивать пиво, оставшееся с Масленицы. В некоторых традициях, в частности, в д. Ключики Куединского района, д. Скворцово Кишертского района в первый день поста доедание масленичных остатков превращалось в обход домов: «*Ходили корки собирать по гостям*». В д. Скворцово обязательным атрибутом обхода была редька, которую после угощения оставляли хозяевам. Ритуальный обход домов, связанный с проводами масленицей и встречей Великого поста, известен во многих пермских деревнях. Однако в каждом варианте этот обход имел свои формы. В д. Шакшер Чердынского района «*в чистый понедельник один мужик нарядится, в чулок набьет соломы. Кто молосно ест, того топ кобыльей ногой*», – *приговаривает, и ногой этой хлещут детей*». В Кишертском районе отмечен обычай «*заметать Масленицу*»: «*В понедельник ездили с метлой, Масленицу заматали, на лошадях,*

в саях, мужики и бабы, заходили даже в дома с метлой» (д. Стругово). В д. Половодово Соликамского района обход домов связывали с тем, что «ходили редьку терли хозяевам». Тема редьки и вообще постной пищи обыгрывалась чрезвычайно широко: «Когда пост начинался, то говорили: «Редька – хвост, капуста – пласт, челпан». Это будто так колоколо на церкви вызванивает» (Ст. Пашня, Карагайский р-н). С началом поста связывалась и такая поговорка, известная в Верещагинском районе – «Пришла редька да хрен, да книга Ефрем» (в составе поговорки – указание на требование молиться, на книгу Ефрема Сирина). Более распространены были «проверки» - «мужики с мешком по деревне ходят, с плетью, у кого че молосно осталось, забирали, а кто ест молосно-то, его жогали плетью» (Карагайский р-н). В Юрлинском районе в д. Липухино в Чистый понедельник мужики ходили по домам собирать в большой туес гущу - остатки масляничного пива, после чего устраивалось застолье.

Чистый понедельник - начало нового календарного цикла, Великого поста - считался также ритуальным временем: «В Чистый Понедельник вымоются в бане, отдыхают. Надо поспать обязательно днем, летом комары кусать не будут» (Ординский район, д. Медянка); обычай сравним с противоположным, широко известным запретом спать в пасхальную ночь с частым в Прикамье аналогичным объяснением: «комары кусать будут».

Сборное воскресенье

Характерной чертой Прикамской Масленицы следует считать существование так называемой *Маленькой Масленицы*, которая отмечалась спустя неделю: «Неделя пройдет, тогда Маленька Масленка, чё насушили с Масленицы, давали маленьким есть» (Таволожанка Юрлинский р-н). Интересна «ориентация» праздника именно на маленьких: «Когда Маленькая Масленица, тогда тоже катались, ну, дети только» (Карагайский р-н). Воскресенье на следующей после Масленицы неделе имело и другие названия - *Сборное воскресенье, Сборное, Сборно, Сборны*. Именно этот день заканчивал трехнедельный цикл масляничной обрядности. Повсеместно к этому дню был приурочен приезд молодоженов к невестинной родне. Известны местные традиции, когда в этот день к своим родным погостить приезжала только невеста.

«Поехала к матери со сковородником», - говорили про молодую, у которой был повод пожаловаться матери на молодого мужа (Куединский район). При угощении в этот день использовался постный стол, который, впрочем, дополнялся сухими рыбными пирогами, оставшимися от Масленицы. При этом скоромные рыбные корки подавались только молодым, остальные не угощались ими. В этот день, как говорят в ряде местных традиций, как и в Чистый понедельник, «*ходили корочки собирать*». В юго-западном Прикамье в первое воскресенье Великого поста молодые ездили к родителям невесты за приданым. В каждой деревне по-разному называли поездку за приданым: *ездить за краснами, посуду собирать, за приданым ездить, по приданое ездить, приходить на подарки*: «*Молодые ездили за краснами в первое воскресенье. Сборное воскресенье называется. Ездили к родителям невесты*» (Чайковский район, с. Уральское); «*В Сборное воскресенье посуду собирают. Девчушка замуж вышла зимой, в Сборно воскресенье идут к родителям за посудой, к девкиным родителям. Родители наделяют девку. Там чашки, ложки дают, скотину дают*» (Чайковский район, с. Вассята). В д. Суюрка Куединского района гостевание зятя в Сборное своскресение у тещи называли не иначе, а как «*Поехал быку жопу целовать*».

Масленичный фольклор

Традиция календарного обрядового фольклора у русских Прикамья не была достаточно развитой. Пермским фольклористам и этнографам удалось записать лишь несколько обрядовых масленичных песен, исполнение которых строго приурочивалось к празднику. Все записи при этом относятся к традициям Южного Прикамья.

В с. Завод Михайловский Чайковского района бытовал достаточно интересный вариант песни о приезде Масленицы, впрочем, контаминированный с другим известным песенным сюжетом:

Наша Масленка

Наша Масленка, наша Масленка,
 О-о-ох,
 Ты на чем же к нам приехала,
 Ты на чем же к нам приехала?

– Я приехала в больших санях,
Я приехала в больших санях,
Я сама была под пологом,
Я сама была под пологом,
Голова моя под полозом,
Голова моя под полозом.
Ты, заря наша вечерняя,
Ты, заря наша вечерняя,
Вы, кичиги полуночные,
Вы, кичиги полуночные,
Вы зачем рано да восходили,
Вы зачем рано восходили
Выше леса, выше темного,
Выше леса, выше темного,
А выше садика зеленого,
А выше садика зеленого,
А выше кусту да ракитова,
А выше кусту ракитова,
Выше города да Сарапула,
Выше города Сарапула.
Как во городе да в Сарапуле,
Как во городе да в Сарапуле
Построена новая темница,
Построена новая темница,
Растёмная да распотёмная,
Растёмная да распотёмная.
Как во этой новой темнице,
Как во этой новой темнице
Засажен был добрый молодец,
Засажен был добрый молодец,
Черновской Евсей Захарович,
Черновской Евсей Захарович.
Он не год сидел, не два года,
Он не год сидел, не два года,
А сидел он ровно двадцать пять,
А сидел он ровно двадцать пять.
Он отпустил свою бороду,
Он отпустил свою бороду

До шелкового до поясу,
 До шелкового до поясу.
 Он отпустил свои волосы,
 Он отпустил свои волосы
 До своих плечей могучие,
 До своих плечей могучие.
 Кабы рученьки да не связаны,
 Кабы рученьки не связаны,
 Кабы ноженьки да не скованы,
 Кабы ноженьки не скованы,
 Я пошел бы на большой базар,
 Я пошел бы на большой базар,
 Я купил бы острый ножичек,
 Я купил бы острый ножичек,
 Отстрогал бы тело белое,
 Отстрогал бы тело белое,
 Тело белое, да могучее,
 Тело белое, да могучее,
 Разбросал бы по чисту полю,
 Разбросал бы по чисту полю,
 По чисту полю да турецкому,
 По чисту полю турецкому,
 По турецкому да немецкому,
 По турецкому, немецкому,
 Черным воронам да на курканье,
 Черным воронам да на курканье,
 А собакам злым на тасканье,
 А собакам злым на тасканье,
 А красным девицам на плаканье,
 А красным девицам на плаканье.

В с.Верх-Буй Куединского района бытовала масленичная песня «Ты прощай, прощай, наша Масленица...»². Песня содержит явные следы позднейшей переделки:

Ты прощай, прощай, наша Масленица.
 Ты прощай, прощай, наша широкая.

² Русские народные песни Прикамья. (Сост. С. И. Пушкина). Пермь, 1982 г. с.26.

Ты не в середу пришла и не в пятницу,
 Ты пришла в воскресенье,
 Всю неделюшку веселье.
 Ты пришла с добром,
 С хмельным пивом и вином.
 Со блинами, пирогами да с оладьями.
 Блины масляные, шаньги мазаные.
 Мы катаемся с горы от зари и до зари.
 А сегодня в воскресенье наше кончится веселье.
 Прощай, прощай, наша Масленица.

В д. Суюрка Куединского района известно четыре песни, исполнение которых строго приурочивалось к Масленице: «День денечек», «В одном селе жили три брата», «Мать погодушка». Две из них представляют собой жестокие романсы, а песня «В одном селе жили три брата» - вариант распространенной рекрутской песни «Последний нынешний денечек». Лишь песня «Что ты, Масленица...» содержит начало, так или иначе связанное с праздником:

Что ты, Масленца,
 Ты не семь недель, не восемь дён.
 Мимо лесу, мимо темныва,
 Пролегала путь-дороженька.
 Как по этой по дороженьке,
 Тут проехали охотнички,
 Охотнички, шли невольнички.
 Охотнички песню сгаркнули,
 Невольнички слезно сплакнули.
 Сторона ль наша, сторонушка,
 Сторона ль наша приветливая...

В большинстве традиций Прикамья к Масленице, как можно заметить, не приурочивалось исполнение особых обрядовых песен, но в то же время приуроченность конкретных лирических песен, поздних жестоких романсов к тому или иному праздничному циклу - постоянное явление. Например, в с. Бияваш Октябрьского района «масленичным» считался распространенный романс «Невинная жертва».

Своеобразным жанром масленичного фольклора были шуточные наговоры, произносимые местным балагуром на катушке. Большинство записей масленичных наговоров сделано в Добрянском районе в г. Добрянка, деревнях Голубята, Ефтята и Софронята. Отдельные фрагменты наговоров еще сегодня удается записать в этом районе фольклористам. В других районах Прикамья этот жанр масленичного фольклора фиксировался лишь в д. Гаревлянах Андреевской волости Оханского уезда и с. Серга Кунгурского района.

Масленичный наговор про Масленицу

... «Здравствуйте, господа, я пришел сюда, я пришел из Казани вам показать про дорогую честную масляницу, желтую верстницу, Семикову племянницу. Семик-слезовик, сука-масленица, тонка, высока, поджара, на катушку прибежала. Подхватили молодцы, посадили на санки, скатили больно далеко, погленулось очень хорошо. Мне бы, «масленке», у вас погостить не семь днейков, а семь неделечек, прокатали бы ваши жены шубы и зипуны, остались бы ж... голы. Благодарю вас на пряженечках, на жаренечках, за просяную кашу, чем благодарить будем милость вашу?! В «целовник» суки-свиньи набезали, ишо масляницу не отпускали, и приводится нам, добрым молодцам, ись «губки» и грибки, луковки горьки, лиха ись не хочу. Нам бы, хожателям, нам бы, читателям, чашку бражки, стопочка пивца, не найдется ли, старички, рюмочки винца?!» *(Серебренников В.Н. Из записей фольклориста. Масленичный наговор //Пермский краеведческий сборник Пермь, 1928. Вып. 4).*

Масленичный наговор про рекрутские наборы

«Вот пошли разговоры про рекрутские наборы. Старосты, десятски, бурмистры посадски собирают мужиков в миру ставить, рекрутскую повинность править; мужики пируют и гуляют, словно масленицу справляют, а жены их провожают, полами слезы утирают. Что вы дуры стонете, словно мертвого хороните. Ей, жена, смотри-ка, это твой Микита, пуговицы на нем литые, орлы золотые, усы завитые, голова приглажена, амуниция прилажена, а на ноге сапог лоснится, нога так плясать и просится; Или мне щеголять в зипуне! На войне отличусь, домой ворочусь, года через

три примером буду кавалерам. Ну что тогда ты, жена, зачванишься и будешь Ваше Благородие.

Эй, вы, мужики, собирайтесь слушать шутки-прибаутки синему морю на утешение, Вам на утеху, на забаву, Царю Белому на славу. Бывали вы во всех городах и при всех королях, во время оно били Наполеона, теперь приходится бить другого. Сам же он вооружается и на беду называется, еще с англичанином соединяется; вот пришли времена тяжкие - едет француз с англичанином на пристяжках, а Турка впрягли в корень, их целая тройка бежит не бойка, француз летит, летит по-птичьему, англичанин плывет по-рыбьему, а турка по-туриному. Вот турецкий султан Абдул Меджит на боку лежит, трубку покуривает, думу крепко обдумывает, как мне опомниться, ночь мало спалось, да много во сне виделось, ему привиделись реки пламенны, по земле бегут, все собою жгут, во полях-то вся рожь без колоса. Стали у султана дыбом волосы, призывает он к себе хитрецов и мудрецов, велит себе сон рассказывать, правды праведной не утаивать. Вот явился к нему хитрец-мудрец: «Расскажу я тебе султан сон по истине. Бог наказует тебя за то, зачем гонишь веру Православную, водрузил на них силу Бусурманскую, побил ты кресты с Божьих Церквей. Ну, Султан, теперь твое дело порешенное, все равно как трава подкошённая. Француз с англичанином плохие помощники, на словах они Царства берут, а до дела дойдут, так и хвостом повернут. Надо война вести, казна трясти, а у них казна вся вынята и карманы на чистой воде вымыты.

Нет сильней и мирней народа Русского, крепка и верна вера Православная, волен народ за Царя умереть, стоит только клич кликнуть, и востанут всего его Царства верного и Православного от старого до малого, от нужного до богатого».

(Записано в г. Добрянка Добрянский краеведческий музей №39/ 195).

Масленичный наговор про празднование Масленицы «Здравствуйте, господа!

Я пришла сюда к вам рассказать про дорогую честную масленицу.

Ах, плут семик, а с... Масленица! Она тонка, долга, поджара, на катушку убежала. Ее молодцы подхватили, на санки посадили,

покатили далеко, показалось хорошо. Она обернулась дугою, стала барыней дорогою. «Здравствуйте, господа, что вы не начаете, так плохо масленицу встречаете? Я пришла к вам ненадолго, только на семь деньков, если б на семь недель. С ваших мужиков, сергинских дураков, поснимала бы зипуны, оставила бы ж... голы. Еще же я вас благодарю за преснички, за шанежки, за блины, за оладеньки, за просо, за кашу благодарим милость вашу. А ваши жены-голубки пили вина как худые курицы, валялися посереде улицы, нелепо кричали. С тех пор у меня масленицу встречали, да собирали саней да дровней, запрягали сук - свиней. Они сильно визжали, дурно бежали, до Турка добежали. В лагере остановились, воробьиное яйцо разбили. Хотели сделать масляный блин, верстовой столб, Масленицу судержать, да она уже прокатилась. А на понедельник на полночь в голове стучит, в брюшке урчит. Луковка да репка на брюхе некрепка, а бабки да грибки вставали на дыбки. А читальщице-сказальщице кружку пивца, холстик остаток, аршинчик десяток, рубашку-обносок, чтоб на плечах не бывала, поту не видала».

(Записано в с.Серга Кунгурского района).

Масленичный наговор про Масленку-разорителку

Масленка-разорителка,
 Разорителка пучеглазая,
 До худого тяжелка.
 Тонка жердочка, поджара,
 На катушку убежала.
 Там ее молодцы подхватили,
 На санки посадили,
 Под гору укатали.
 Под горою свернулась дугою,
 Развернулась барышнею дорогою.
 «Здравствуйте, крестьяне,
 Что же вы качаете,
 плохо меня встречаете?
 Я ведь пришла только на семь дней,
 Я бы пришла не на семь недель,
 Я бы с ваших мужиков
 Поснимала тулупов, зипунов.

Жены бы ваши, голубки,
 снимали бы дубасы и юбки,
 Пивали бы вино,
 Как худые курицы,
 Валялись посередь улицы».

Трах, та-ра-рах...
 Продала Настя дубас
 Монастырским мужикам
 На заплатки к тяжелкам.
 Дубасом изба покрыта,
 На углу она прибита.
 Кто идет, тот берет,
 тот по гривенничку кладет.
(Записано в д. Ефтята Добрянского района)

Условно к масленичной можно отнести песню про тещин пирог (исполнялась и на свадьбе, и в хлибины, в визиты к теще). Песня сатирически обыгрывает «задабривание» тещей зятя (по старой пословице, у тещи про зятя и ступа доит):

Теща для зятя пироги пекла,
 Соли да муки на четыре рубля,
 Сахару, изюму на восемь рублей.
 Вышел тещин пирог на двенадцать рублей.
 Думала теща, семерым пирог не съесть,
 А зятюшка сел да один его съел.
 Теща по горенке похаживает,
 Искоса на зятя поглядывает:
 Как тебя, зятюшка, не порвало,
 Как тебя, миленькой, не розорвало.
 Порви да розорви тещу мою,
 Тещу мою да со своячиною.
 Будь ко мне, теща, на Масленице,
 Я тебя отпотчю:
 Четырьмя дубинами березовыми,
 Пятый дуб по запяткам бьет.
 Вырвалась теща от зятюшки,
 Она бежала по полям, не оглядывалась,
 Прибежала к воротам, тут и хлыстнулась.

Вы робята, робята,
 Отпирайте ворота.
 Будет зять на похмелье звать,
 Вы скажите ему, что я вся не могу,
 От пива да вина болит голова,
 А с сахару, изюму разворочало бока.
 (Записано от Гусевой А. Г. в с. Дуброво Еловского р-на).

Праздники и обряды Масленицы у народов Прикамья

Традиционный календарь народов Прикамья имел много общих черт с русским традиционным календарем. Часть праздников и обрядов финно-угорскими и тюркскими народами Прикамья была в той или иной форме заимствована у русского населения. Часто заимствовалось лишь название праздника, сроки его проведения, обряды, содержание праздника в некоторых случаях продолжали сохранять этническую специфику. Масленичная обрядность была достаточно развитой у коми-пермяков, удмуртов. Катание с гор, приуроченное к масленичной неделе, бытовало у марийцев. Некоторые элементы празднования Масленицы восприняли и пермские татары и башкиры, хотя праздник не входил в круг традиционных праздников и обрядов этих народов. Поскольку праздник был им известен, татары и башкиры Прикамья на Масленицу гостевали в соседних русских деревнях, ездили в гости к своим знакомым. В Суксунском районе, специально на Масленицу *«варили пиво про татар»*; в других южных районах также отмечали, что татары всегда были гостями русской Масленицы, всегда интересовались, *«когда у вас будет праздник ешь - не хочу?»*.

Масленица у коми-пермяков

Традиции празднования Масленицы у коми-пермяков очень близки праздникам и обрядам масленичного цикла русских Прикамья, однако при этом проявляются и свои особенности. В праздничном цикле коми-пермяков представлены практически все дни масленичного цикла – Мясокусное заговенье, предшествующее праздничной неделе, собственно Масленица или Боль-

шая Масленица (*Бджит Масленица*), Чистый понедельник и Сборное воскресенье или Маленькая Масленица (*Учат Масленица*).

На Масленицу, как и в русских традициях Прикамья, готовился обильный стол. *«Каждый пермяк готовится к Масленице брагу, пиво. А зажиточные покупают и вино, потом, начиная с сырного понедельника, ежедневно стряпают блины, оладьи, сырники, а некоторые и рыбные пироги, яичницы, солянки и варят уху»* (Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. М., 1860. С. 27). Как отмечают в Гайнском районе, существовал и особый порядок приготовления блюд на Масленицу в разные дни недели: *«Первый и второй день пекли оладьи, с третьего дня начинали печь пироги с ячневой крупой, с картошкой. Субботу и воскресенье стряпали блины. В последний день обязательно рыбный пирог. Что останется, высушат и оставляют до Пасхи, их называли пасхами»* (д. Иванчино, Гайнский район).

Принято было кататься с горок и угоров. В д. Бажино Юсьвинского района для катания готовили особую горку, с уложенными двумя рядами шестов (аналогичную описанной выше в разделе о русском катании с гор). Для катания использовали самодельные лотки, самокатки, скамейки, кобылки. По своей конструкции они очень похожи на те, которые встречаются в русских традициях Прикамья: *«Лоток, как корыто сделано»; «Внизу как лоток, а к этому лотку прикрепляли как скамейку на ножках, это кобылка»* (д. Бажино Юсьвинского района). В некоторых деревнях скатившись парой с горы, парень целовал девушку. Чтобы лен рос длиннее, в Косинском районе женщины прокатывались с горки на прялке. В Юсьвинском районе к Масленице приурочивали и другое развлечение. На масленичной неделе играли в лапти: *«Сделаешь большую круглую гору, заморозишь петельку, в петельку веревку. За конец веревки, кто галит, держится, на горку кладешь лапти, веревку нельзя отпускать. Остальные должны забрать лапти, кого задел, тот галит»* (д. Бажино). К Масленице приурочивалось и катание на конях. В некоторых деревнях Косинского района отмечали, что на Масленицу на конях катали только новоженков, сыгравших свадьбы в этом году.

Развитым в коми-пермяцкой Масленице были действия, связанные с молодыми. На Масленичной неделе зять обязательно

приезжал в гости к теще. *«Зять приходил к теще на блины в пятницу или в воскресенье. На лошади приезжал. Шутили над зятем, солому в дом заносили»* (Косинский район, д.Панино).

При угощении блинами в каждой деревне соблюдался свой ритуал. В д. Кунгур Гайнского района зять к теще приезжал в пятницу. Теща подносила зятю стопку вина, зять выпивал и клал в стопку денежки - подарок теще. Теща брала подарок и целовалась с зятем. После этого смотрели, как молодой начинал есть блины: *«Если невеста нечестная, тогда зять блин посерединке откусывает и обратно кладет»*. В д. Трифаново Косинского района теща подносила зятю три стакана: *«Брали три стакана, наливали в них брагу, вино и пиво, сверху накрывали большой плоской тарелкой и переворачивали. Зять должен был это выпить»*. Приняв подношение, зять должен был показать свою смекалку и находчивость. В д. Войвыл того же района зять пробовал блины, а под тарелку с блинами клал денежку на подарок теще.

В последний день масленичной недели провожали Масленицу. В с. Чураки Косинского района Масленицу «провожали» в поля, при этом говорили: *«Коково кайотисо Масленица»* ('в Коково унесли Масленицу'; Коково - название поля). При проходах Масленицы появлялись ряженые: *«В последний день шубы выворачивают. Мужик женщиной делается, женщина - мужиком. Маски из бересты делают, мажутся сажей. Так масленицу провожали»* (Гайнский район, д. Елево); *«Ботало на шею старики вешают в последние дни Масленицы, лапти вешают, ходят по домам компаниями»* (Косинский район, с. Чураки); *«В соломенных ногах провожали Масленицу: у ряженных на ногах была привязана солома. Один - с пестерем, другой - с тусом, чтобы собирать масленки - пироги да шаньги и квас»* (Гайнский район, д. Елево). Информации о сжигании чучела при проходах Масленицы у коми-пермяков нами в ходе полевой работы в Косинском и Кочевском районах не получено, не упоминают об этом и архивные источники. В с. Пуксиб Косинского района отмечали, что при проходах масленицы на шестах зажигали бересту.

Масленичное воскресенье известно в коми-пермяцких традициях и как Прощёный день (*Прощёный лун*). В этот день было принято «прощаться» друг с другом, просить прощения. В Косинском районе при этом часто оговаривали, что этот ритуал

прощания совершали лишь старухи: *«Прощеный день в воскресенье. Старухи прощения просили, потому что они скоро должны умереть»* (Косинский район, д. Панино).

Со следующим понедельником после Масленицы - Чистым понедельником у коми-пермяков связывались многочисленные погодные приметы: *«Какой день - такой и год, погоду смотрят в этот день. Надо чтобы снег падал, а то весь год «чисто» будет»* (Кочевский район, д. Кукушка); *«Если чистый, без осадков - хорошая погода будет, нечистый - плохая»* (Косинский район, д. Лямпино).

В Чистый понедельник обязательно пекли хлеб, *«чтобы не быть бедными»*. Действия и приметы, связанные с этим днем соотносятся со словом «чистый» в одном из его значений - пустой (например, *«весь год «чисто» будет»*, *«копны соломы закончатся, нечего солому давать, все говорили - все чистый понедельник вычистил»*) (Косинский район, д. Лямпино).

Воскресенье через неделю после Масленицы было известно коми-пермякам как *Маленькая Масленица, Сборное воскресенье, или Сборно*. К этому дню также приурочивались некоторые масленичные ритуалы. В с. Чураки Косинского района в этот день также выходили кататься на катушке. В некоторых деревнях к этому дню приурочивался приезд зятя к теще. На Маленькую Масленицу разрешали есть высушенные пироги, оставшиеся от «большого» праздника. К сожалению календарные традиции коми-пермяков до настоящего времени остаются слабо изученными, что не позволяет во всей полноте раскрыть содержание многих праздничных циклов, выявить их региональные особенности, связать с религиозно-мифологической картиной мира.

Масленица у куединских удмуртов

Празднование Масленицы (*Вой*) у куединских удмуртов сохраняло яркую этническую специфику. И хотя сроки проведения Масленицы совпадали, обрядовая наполняемость праздника сильно различалась.

Масленичный цикл обрядов у удмуртов Куединского района растягивался на две недели. Начало Масленицы отмечали в деревнях, которые были расположены на левобережной стороне реки Буй, в Большом, Малом и Верхнем Гондыре, Кипчаке, Кирге, а

проводы Масленицы - *Вой келян* - проводили на следующей неделе в правобережных деревнях Гожан и Удмурт-Шагирт. По свидетельству очевидца, в 1901 г. в с. Б.Гондырь праздник отмечали с 4 по 7 февраля, а в д. У.Шагирт - с 9 по 13³.

В первый день Масленицы, который приходился на воскресенье перед масленичной неделей, все старались проснуться пораньше. Молодежь утром ходила по домам. Если удавалось застать кого-то спящим, то его тут же вытаскивали из дома и бросали в снег. Днем в деревнях устраивали катание на лошадях. В с. Кирга катание организовывали по кругу, причем, ездить было принято по ходу солнца. Молодежь все дни Масленицы каталась со снежных горок и угоров. В первый день Масленицы девушки старались прокатиться на прялке, чтобы лен в этом году вырос большим. В д. Гожан женщины бросали прялку через ворота, считалось, если прялка «сядет» на донце, то женщина в этом году спрядет много кудели. Все дни Масленицы принято было обходить дома родственников, друзей, знакомых, ездить в гости в соседние деревни. В каждом доме накрывали праздничный стол. Обязательными блюдами на масленичном столе были блины из кислого (*табань*) и пресного (*мильым*) теста. Блины ели с простоквашей и *зыретом*, приготовленным из простокваши с добавлением яйца.

Проводы Масленицы - *вой келян* - отмечали через неделю со дня начала праздника или несколько позднее. В день проводов также катались на лошадях. При проводах устраивали ряженье (*портмаськон*), организовывали медвежью пляску - *гондыр эктытон*, *гондыртон*. Выворачивали шубы, наряжались медведем, другие ряженые водили ряженого медведя на веревке. На площади устраивали пляску медведя под гармошку. Затем его водили по деревне, по домам, веселились. Для медведя устраивали сбор овса: ряженые брали с собой ведро и в каждом доме просили овес.

В масленичной обрядности куединских удмуртов прослеживается связь с культом солнца. Многие действия Масленицы: катание по деревне по кругу, «по солнышку», приготовление круглых блинов - связаны с солнечной символикой. Масленичное ряженье медведем у куединских удмуртов также не следует связы-

³ Сведения о состоянии инородческих училищ // Журналы Осинского земского уездного собрания 1901. Оса, 1992. С.166.

вать с обычным ряженьем, известным на масленицу у русских и коми-пермяков. Ряжение медведем скорее соотносится с пробуждением весны, с медвежьей символикой солнца: в традициях многих северных народов медведь был универсальным зооморфным символом весны⁴.

Масленица у сылвенских мариЙцев

Масленица *У арня* у сылвенских мариЙцев была слабо развитым обрядовым циклом. Отмечался праздник с понедельника до пятницы масленой недели. На Масленицу, как и у других народов Прикамья, мариЙцы катались с гор и снежных катушек, катались по деревне на конях. Во время масленичной недели девушкам и женщинам не разрешалось пряхть. Важными элементами праздника были гостевание и застолье. Само празднование и название Масленицы информаторы объясняют тем, что в этот период телятся коровы, поэтому необходимо угощать всех молоком и маслом. Основным участником праздника была молодежь. Тот факт, что практически все элементы праздничного масленичного цикла были слабо развиты, не носили особого магического характера, не были связаны с поверьями и запретами, свидетельствует, видимо, о позднем, возможно, заимствованном характере праздника.

⁴ Конаков Н.Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код): Серия препринтов «научные доклады». Вып.243. / КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1990. С.15.

Приложение

В Приложении представлены три описания очевидцев масленичного обряда начала XX века в Осинском уезде, в поселке Добрянского завода и в Чердынском уезде. В художественно-очерковой форме авторы повествуют об основных этапах праздника, раскрывают локальные особенности обряда на разных территориях Прикамья в начале XX века. Публикуемые свидетельства показывают, конечно, что к концу XX - началу XXI века мы имеем дело, во-первых, с сильным выветриванием обряда, а, во-вторых, с его унификацией, со стремлением «отрежиссировать» праздник по некоей общерусской схеме.

Масленица в Осинском уезде (начало XX вв.)

«Настала долгожданная «румяная» масленица. С утра по деревне бродят мужики и бабы, переходя из одной избы в другую и «поштуются».

- Пей, кум, пей! «Лонись» я у тебя пил...
- Нет, уж, кум, - благодарим покорно: «запоштовали».
- А коли «в требу», так еще пей...

«Кум», еле шевеля языком, уходит к другому «куму», и так за день «напоштуется», что к вечеру где-нибудь заберется в угол да так на чужом дворе и заснет; а то прямо за столом храпит. Придут за спящим «кумом», так увезут домой, а больше все по чужим дворам ночуют: после рассказов да хвастовства больше будет.

Блины и «олашки» со стола не сходят и печка топится беспрестанно: беднота да бобыли часто пользуются этим временем: только скупой не усадит за стол в «дни прощенные». Ну, а к себе позовут тогда, «когда дома не будет».

А молодость по своему гуляет: целый день по улицам деревни катаются «холостяги» и «девахи». Колокольчики заливаются под дугами, и никуда нельзя спрятаться от их звона.

Вот, едут полные сани деревенской молодежи и широко-широко несется песня:

« Казак с-по-Дону гуляет, казак молодой.

Ну, льет девица слезы над быстрой рекой.

- «О чем, девица, плачешь, о чем слезы льешь?»

- «Ну, как мне не плакать, как мне слез не лить:

Когда я была младенька, ребенком была,

Смеяся, цыганке я ручку дала.

Смотрела она на ручку, качая головой:

«Утонешь, милая, в день свадьбы своей».

- «Не верь ты ей, дорогая: цыганки все врут.

К венцу, милая, поедешь - я коней подам:

Вперед пошлю двести, и сто по бокам.

Для тебя, дорогая, свою коня подам.

В собраньи все гости и кони все в ряд...

Под моей дорогою, под ей конь-ет упал...

Ну, знать, потонула невеста моя.

Подайте мне-ка гусли звончаты сюда.

Взыграю я в эти гусли над быстрой волной,

Утешу я свое сердце без милой своей»...

«Девахи» одеты «баско»: чистенькие полукафтаныя и полубубки; в косах «девинки», как змейки, извиваются от езды; платочки цветные с металлическими блестками так и переливаются, так и дразнят.

Когда вдоволь устанут кони и у «девах» ослабеют голоса от песен - идут по домам и, перекусивши наскоро, собираются на «катушку». «Катушка» - крутая гора, где-нибудь под защитой стройных, молчаливых пихт. Катаются на «лотках». От распиленного надвое дерева отрезают конец в сажень длиною (иногда меньше), выдалбливают как корыто. Обливают снизу водой, замораживают, и готов «лоток». Не умеючи не скатиться на лотке: гора крутизна страшная, лоток кувьрается из стороны в сторону и, при громком хохоте гулящих, можно остаться на полугоре, а лоток умчится дальше.

Вот садятся на лоток восемь человек: четыре «холостяги» и четыре «девахи», и мчатся, оставляя за собой крутящийся снежный столб. Скатились «баско». Много значит - скатиться «баско»: девушки тогда целуют парней под горою и идут снизу с песнями. Стыдно приходится ребятам, когда девушки в один голос закричат: «не за што!» Это значит, что ребята плохо управляли лотком и целовать - «не за што».

На горе затагнули песню:
 «Стояла я с миленьким часок,
 Горючи слезы ронила в кисейный рукавок».
 - «Сушу-крушу семь я девок на роду,
 Что восьмую-то солдатку молоду.
 Что девяту чужу - мужнюю жену,
 Что десятую возлапушку мою».
 - «Отойди-ка ты, мерзавец от меня,
 Покуль я тебе не плюнула в глаза».
 Отошел же, отошел же мой,
 отошел же мой приятель дорогой;
 Он берет, берет ременную узду,
 Он заходит во конюшню во нову.
 «Ты прощай, моя фатера дорога,
 Вы прощайте, столбы точеные,
 Вереюшки позолоченые,
 Что воротички хрустального стекла,
 Подворотенка серебряная».
 Выходила красна девица-душа,
 Выходила, низко кланялася:
 «Воротися, воротися, мой милой;
 Воротися-ко, приятель дорогой!
 Ты забыл, забыл поклажу у меня:
 Чаю чашечка не выкушана,
 Папироса не раскурена,
 Красна девка не целованая».

Льется по вечерней заре родная русская песня, будя в сердце
 то воспоминания, то надежды. То нахлынет она бурной волной и,
 как бы ударившись о скалу, со стоном отхлынет назад; то зажур-
 чит нежным ручьем; то польется веселая-веселая, беззаботная в
 высь лазурную. О всем поют: и о горе, и о радостях.

Вот от толпы отделяется девушка. В руке - платок. Расплясала-
 лась. И слышится ее песня:

«Милый пашет, рукой машет,
 Я не знала - что к чему;
 Мне подруженька сказала:
 Ты пойдя, сходи к нему».
 «Конфетка моя золотом витая;

Хочешь любишь, хочешь нет: я не занятая».

Но вдруг все песни смолкают...

«Вон: пришел... скатить его надо», - шепчут голоса.

Парень подходит к толпе. Его неожиданно окружают тесным кольцом и моментально сваливают на кто знает откуда взявшийся лоток. Бедняга отбивается, но суд людской неумолим: его кладут на дно лотка, вдоль, садятся на него несколько человек и, под громкий хохот, катятся, сидя на нем, с горы. Это за то, что «зачинал женился, да не женился», то есть, за него не выдали ту девушку, которую он сватал.

А «молодого», то есть - женившегося в «большое промежго-венье», как только он появится в компании мужичков, сейчас хватают, валят и «купают» в снегу: насуют ему снегу и в рот, и в нос, и в уши, и в карманы, и везде, где есть «дырки». «Не нами заведе-но, не нами и кончится это, - говорят мужики, - валяй, ребята, еще!»!

И валяют. Да так иногда валяют, что до драки дело доходит; только дни-то великие настают, так много-то не выбивают зубов-то; да и сердиться из-за этого нельзя: «старики так завели».

Замигали звездочки, и ночь все плотнее прижимается и ласковее обнимает землю.

Веселье полное: и шум, и крик, и песни, и пляска.

Притащили соломенную «масленицу». Поставили на горе и зажгли. Пламя осветило толпу, и небо на несколько минут окрасилось в медно-красный цвет.

- Сгорела! Сгорела!

Становится темней и темней. Все «разъезжаются» по домам: на лоток садятся несколько человек, а остальные везут с песнями, и так попеременно.

Последние звуки песен затихают вечером в Прощеное воскресенье и понятно становится, что «румяной» масленице - конец.

Тишина и мрак воцаряются в деревне; только звезды алмазные кротко сияют в выси лазурной и сулят сердцу надежды».

(Из старого издания: *Шмаков П. По лицу земли. Очерки из жизни Прикамья. Оса, 1916. С.47-49*).

*Масленица в поселке Добрянского завода
(начало XX в.)*

«В масленой неделе мясо животных не едят, только рыбу - в виде ухи, пирогов или жареной. Хозяйки стряпают блины, оладьи. Вкусны оладьи из гречневой муки, но тогда их зовут почему-то блинами, хотя они такой же величины, что и обычные оладьи.

Считалось чуть ли не грехом, если в русской семье да нет блинов или оладей, хотя бы по бедности хозяев и на постном подсолнечном масле.

Едят блины с топленным маслом или со сметаной. Родственники или знакомые взаимно гостятся, угощаясь хмельным, водкой, хмельной брагой из овсяного солода и т.п.

Кто имел лошадей, тот катался на хороших, нарядных кошевках. Некоторые катались на больших многоместных кошевках, запряженных тройками или парой лошадей, одетых в блестящую сбрую с начищенными латунными и бронзовыми украшениями. На сбруе множество колокольчиков и шеркунчиков, дуги расписаны золотом и тоже обрамлены мелкими колокольчиками или шеркунцами. На кошевках ковры или красочные шерстяные покрывала, на лошадях гарусные попоны.

В кошевках обязательно у кого-нибудь из парней «Саратовская гармошка» с колокольчиками и ... ни одного трезвого ездока, даже женщины и те «под мухой» в большей или меньшей степени.

Одни старики да старухи воздерживаются от хмельного и от катания и, стоя в сторонке от широкой улицы, где катаются на лошадях, оценивают опытным взглядом достоинство или недостатки лошадиного убранства, вздыхая о своей давно прошедшей молодости.

«Масленица» справлялась во второй половине зимы, примерно в феврале месяце в одну из недель, что определялось в зависимости от подвижного дня Пасхи, и начиналась за восемь недель до нее.

Приближение масляной недели чувствовалось по тому, что ребята-подростки начинали компаниями устраивать снежные горки «катушки», как их здесь называли.

Катушку иногда обставляли маленькими елочками или пихточками, и на них навешивали бумажные фонарики, в которых горели парафиновые или восковые свечи. Такое освещение при вечернем катании устраивалось у состоятельных владельцев катушки.

Бывало, что ребяташки вскладчину покупали цветной бумаги для фонарей, сами клеили их в виде гармошек или высоких коробочек с днищами из картона и с подсвечниками из жести для свечей.

Так катались дети дошкольного и школьного возраста на своих домашних катушках. И катались на лубочках, рогожках и саночках «вятской» работы с неокованными полозьями.

Катушки для взрослого населения устраивались платными в нескольких местах жилого поселка, например, на рынке, на базаре, за Добрянкой. В работе их принимала молодежь призывного возраста, каждая, конечно, в своей части населенного пункта.

Здесь, на больших катушках катались уже на хорошеньких, полностью металлических саночках, обитых плюшем и бахрмой на красивом позументе.

Стоимость саночек доходила до 10 рублей, цена по тому времени немалая.

Владелец саночек, желающий кататься на катушке в течение 3-4 дней масленицы, платил строителям катушки 50 коп. за все время.

Катушка на базаре устраивалась по дороге от базара на нижний завод. Мне на ней кататься не приходилось.

Я буду описывать нашу, «рыновскую» катушку. Она устраивалась на одном из двух мест, или по нижней рыновской улице от дома механика, или от дома «Турка» с выездам на пруд.

Эта вторая катушка людям больше нравилась, по ней и санки быстрее неслись: покат у ней был круче. А раскат по льду далеко уносил саночки. Да и на «головане» катушка была как-то уютнее: по улице никто не катался, как было около дома механика на Домовой улице. «Голован» - горизонтальная площадка размерами примерно шесть метров на десять. Это своего рода посадочная площадка, на которой усаживаются в санки желающие скатиться.

Голован переходит в наклонную плоскость «покат» шириной метров в пяти и, дойдя до пруда? переходит в горизонтальную ледяную поверхность «раскат» длиной до полукилометра. Вся поверхность катушки - голован, покат, раскат хорошо и неоднократно поливается водой до образования гладкого ледяного зеркала, особенно на покате, где саночки должны набрать скорость до 50 километров, чтобы докатиться до дальнего края раската. При такой скорости и дух захватывает от быстрой езды? и глаза слезятся.

Катающихся с санками собирается обычно много - до сотни человек. Не меньше и девушек, желающих скатиться на санках.

Одетые в самые лучшие одежды молоденькие девушки с трех сторон обступают голован, шелкая орехи или семечки, выжидая, когда какой-нибудь хозяин саночков, т.е. «кавалер», пригласит скатиться свою «даму» - девушку.

Тут же к взрослым девушкам невестинного возраста жмутся девочки-подростки, а впереди их совсем маленькие - школьного возраста. Подростки просящими глазами смотрят на кавалеров, скатиться каждой из них хочется, чтобы потом похвастаться перед подружками, что и ее-де парни «не обегают», достаивают вниманием. Да и поразмять ноги хочется, как-никак, хотя бы и в валенках, а на ледяной поверхности голована холодно стоять, да и от людей «стыдобушка», если девицу никто не приглашает скатиться, хотя бы за день всего один раз.

Хорошеньким девушкам отбоя нет от кавалеров, каждый желает прокатиться с красивенькой, «басенькой» девушкой.

А на морозе-то они все какие-то хорошенькие, румяные, стреляют глазенками по кавалерам.

Только и слышно, как «красивенькую» приглашают:

- Катерина Ивановна, пожалуйста скатиться!

- Катерина Ивановна, пожалуйста скатиться!

Иногда сразу пять голосов выкрикивают ее имя. Екатерина Ивановна растеряется, не знает, к кому идти на приглашение, стоит, разглядывает, какой кавалер посамостоятельней до «покашивше», к тому и идет.

Бывает, что кавалер катает все одну и ту же девушку. Тут уже опытные бабы перешептываются: «После Пасхи, наверное, свадь-

ба будет, вишь только одна с ём и катается», пересуживают бабы, да и девушки догадываются: «жених и невеста».

Народ быстро примечает: «кто кого все время катает, так если не летом, то по осени быть свадьбе».

Мальчишки школьного возраста во всем подражают старшим. Какой-нибудь 12-летний «кавалер» выкликает 10-летнюю «даму» нарочно громко и важно:

- Анна Петровна, пожалуйста скатиться!

И вот Анна Петровна, у которой от холода висит под носом изумруд соплей, важно спешит деланной походкой на зов «кавалера» и даже не улыбнется, с серьезным видом садится на детские деревянные санки вятской работы, подкованные железными «резками»- полозьями из бруска железа, и катится со счастливой улыбкой на мокрой мордашке.

Вот в разгар катанья приходят молодожены, только перед «масляной» неделей «сыгравшие свадьбу». Тут уже начинается катанье без церемонной вежливости: «молодушка» садится без приглашения, а муж гонит санки, еле управляя ими. Иной раз на полдороге оба вывалятся в снег.

Более степенные, пожилые люди подходят к катушке со своими «старухами» на молодых посмотреть, себя показать.

Старик тоже совсем навеселе и, вспоминая молодость, берет у знакомых саночки, садится сам и под смех приятелей сядит свою разряженную «старуху», под свист и напутствование пускается в путешествие.

И надо же случиться, как назло, несчастью: при всей огромной скорости санки неверною рукою «самого» направляются резко в сторону, врезаются в левую снежную стену вдоль поката и ...сваливаются на бок. Пассажира вверх ногами барахтается в рыхлом снегу: он набивается ей рукава, за воротник, за пазуху. «Сам» зарылся тоже в снег, а свободные от груза санки выправили ход и катятся под гору далеко по раскату.

На головане - хохот, свист над «стариками»:

- Вот уважил свою Митревну, на попа поставил, аж штанишки видать! - кричат подвыпившие зрители.

Митревна ругает своего пьяницу, который «с утра нажрался и отрезветь не может».

«Пьяница» неохотно идет за санками, ругая их хозяина, подсунувшего ему санки с кривыми полозьями - «это-де и свернуло их с прямого пути».

Митревне уже не хочется идти на голован, конфузно показаться своим соседкам. Она собирается к дому, да и старику стыдно за свою оплошность - «бабу уронил».

Он отдает подобранные санки первому попавшемуся пареньку, что идет к головану:

- Отдай там санки хозяину, а я не пойду на голован. Да скажи этому Ваньке Вороне, чтобы «вдругорядь» мне кривых санок не подсовывал, а то я санки либо изломаю, либо в проруби утоплю, - скажет «сам», и сконфуженная парочка потихоньку смывается с гулянки.

Самый веселый день на катушке – воскресенье, последний день масленицы. Он называется здесь «целовник» - от обычая целовать пассажирку - даму, как только кавалер прокатит ее до конца раската, независимо от того, подросток ли эта девушка, или невеста, или замужняя женщина.

Пассажирка «опытная» сама подставляет щеку или губки кавалеру, и тот обязан поцеловать, холодно ли, горячо ли, но ... поцеловать - таково требование обычая.

И маленькие «Анны Петровны», у которых от мороза две зеленые струйки протянулись из ноздрюшек, тоже подворачивают свои мордашки к «кавалерам», из носа коих показываются непрошенные зеленые сережки. И двое сопливых сливаются в одном поцелуе, после чего подтирают свои мокрые носы и рты варежкой или рукавом.

Обычай целования строго соблюдается: взрослые целуются по традиции, маленькие по примеру взрослых.

Перед закрытием катушки, что наступает в 5 часов вечера, с первым ударом церковного колокола, приглашающего к вечерне, на катушке все кипит, как в котле, все суетятся, спешат, чтоб успеть раз-другой скатиться с любимой девушкой... Каждый думает: доведется ли еще в будущем году так весело покататься...

Шум, свист, говор, выклики имен девушек не умолкают ... пока не перерубят катушку.

Но вот раздается первый удар колокола. На покот выскочили с топорами рубщики «рубить катушку», т.е. поперечные канавы в покате, чтобы нельзя было кататься.

Но это только так называется «нельзя». Сделают для отвода глаз борозды, но такие, что вечером в темноте можно еще покататься и целоваться взадос с любимой...

Большинство народа с ударом колокола толпами, кучками и парочками направляется в церковь, куда старики да старухи спозаранку еще до звона утянулись из домов.

А парни с девушками неохотно, оглядываясь на катушку, медленно расходятся, или по своим домам, или вслед за старшими тянутся к церкви..

Там люди будут просить один у другого «прощения» за причиненные когда-либо обиды, кланяться «земно» один другому и троекратным целованием со щеки на щеку закреплять взаимное прощение.

Это воскресенье на масленице так и именуется «прощеный день» или «прощеное воскресенье».

Обычай хотя бы раз в году взаимно извиняться в нанесенных обидах - хороший обычай, поддерживающий «мирное житье».

...А там, около катушки, группа парней и девушек стовариваются «как только стемнеет, собраться на катушке и кататься до полуночи на больших конских санях - розвальнях».

И будет шумное молодое веселье продолжаться до двенадцатого удара на заводской пожарной каланче, когда уже наступило «Великое говинье».

А в домах уже давно спят утомленные масленицей люди, напоследок поев перед сном все скромное, что еще осталось несъеденным.

И кое-где далеко за полночь слышен в темноте ночи приглушенный девичий смех и мужской голос, на что-то уговаривающий девушку...

А издаലെка доносятся пьяные голоса запоздавших гуляк, заблудившихся в ночной темноте, потерявших дорогу к своим избушкам».

(Добрянский краеведческий музей. Рукопись).

*Масленица в Чердынском уезде
(начало XX в.)*

«...Исключительно веселым и пьяным праздником считается масленица. Катаются на лошадях с песнями, гармошкой. Ездят из одной деревни в другую. Лошадей украшают ленточками. На шею надевают шаркунцы-бубенчики. К дуге привязывают колокол-ботало и сноп соломы. Бабы берут с собой прялки.

Мужики устраивают импровизированную баржу. Берут шестеро дровней, ставят их по трое в ряд. На концы загнутых полозьев прибиваются доски, получается палуба. На ней устраивается мачта с развевающимися старыми штанами наверху. Настоящий штандарт!

На палубу затаскивается старая бочка. В нее кладут соленый сиг со специфическим запахом этой рыбы. С боку прибивается лестница. Этим заканчивается оснастка баржи.

На палубу взбирается лоцман и матросы. На лоцмане фуражка-бескозырка, с двумя черными лентами. На пиджаке медным блеском отливают сбруйные пуговицы-бляхи. Матросы в пиджаках с открытыми воротами или в чапанах, в зависимости от погоды. Иногда в компании к матросам залезает на палубу и баба пробойная.

В оглобли впрягается ватага подростков-ребят. Они веселые, задорные с криком снимают с места баржу и везут ее по деревне. На палубе тем чередом разухабистая песня и пляска начинается под деревенскую тальянку. Подъезжают к первому попавшемуся дому. Лоцман громким голосом зовет хозяина на выкуп товара. Тот выходит с пивом или кумышкой и угощает весь экипаж.

Вместе с ними и хозяин выпить не прочь. Лоцман тост ему говорит: «Чтобы нонешним годом в лешне (т.е. охоте) тебе подвезло. Лихоманка бы не захватила, да собака твоя не испортилась. А у Домны Петровны - хозяйки твоей - чтобы брага выходила покрепче, не закальный бы хлеб выпекался. За здоровье твое, Дмитрий Егорыч! За семью твою, за скотину по наперсточку хлопнем!»

Ха, ха, ха! Громким смехом закатились матросы. Закусили сигом соленьким, захваченным с собой неслучайно. Иной просто, выпив стаканчик кумышки, крикнет, поморщится, облизнет

уса языком. Вот и вся закуска его! «Без закуски лучше хмель разбирает», - так мужик говорит. У матросов сразу языки враз развязались. Громко запели частушки. Подключилась тальяночка к хору. Ноги сами в пляс пошли.

Веселая компания дальше поплыла. Лощман покрикивает на ребяташек и указывает, к какому дому подвести баржу. Там начинается повторение пройденного, может быть, с некоторым изменением гротеска. Матросы все больше и больше хмелеют. У последнего дома один из них сваливается тут же на палубе. Других подхватывают бабы и волокут их домой.

На следующий день на этой же барже едут другие матросы со своим запасом веселья. Среди них один нищим обрядился. Вся одежка его в заплатах. На боку болтается холщовая сумка. Просит убогонькому подать Христа ради. Несут ему хлеба кусок, кто картошку, кто блин. Выпивка само-собой попадает. Скоро убогонький коленца откалывать начал вприсядку, и сумка вместе с ним волчком закрутилась по палубе. Смех и веселье кругом!

Но вот среди безудержного веселья пробежала черная туча между матросами. Вспомнили они старые обиды. Крепкая, трехэтажная ругань пошла. Вслед за ней - кулаки и оружия расправы в воздух поднялись. И начали молотить друг друга.

Народ стоит вокруг баржи и смотрит на бесплатное представление. Болельщики подзадоривают дерущихся. Не стремятся подойти и разнять их. С замиранием сердца ждут нокаута.

Вдруг из толпы вырывается женщина, с криком и плачем лезет на палубу. Хочет в защиту мужа вступить, но боится к ним подойти.

Муж, увидя жену, стал больше в раж входить и зло на ней вымещать:

- Отойди от меня подобру-поздорову, сука такая, а то гляди и тебе заодно зуботычину дам. Не мешай мне, вишь, я делом занят каким.

Пока он реплики сыпал жене, противник его не дремал - вlepил ему не одну оплеуху....

(Попов В. Записки врача. *Чердынский краеведческий музей. Рукопись, с. 73*).

